439
718
C.-Tem. 1906

A L

-549
739 — 718
В. С. Б.

Проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ПРИ

ПЕРВЫХЪ РОМАНОВЫХЪ.

Многоуважаемому
Владимиру Степановичу
Борзаковскому
Отъ автора

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Ч39
53-718

Проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ПРИ

ПЕРВЫХЪ РОМАНОВЫХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1906 годъ.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 2/285 1965

0-549

БИБЛИОТЕКА
Башкирского филиала
Академии Наук СССР

Первые годы правленія царя Михаила Ѳедоровича до сихъ поръ представляютъ собою такой историческій моментъ, въ которомъ не все доступно научному наблюденію и не все понятно изъ того, что уже удалось наблюсти. Не ясны ни самая личность молодого государя, ни тѣ вліянія, подъ которыми жила и дѣйствовала эта личность, ни тѣ силы, какими направлялась въ то время политическая жизнь страны. Болѣзненный и слабый, царь Михаилъ всего тридцати съ небольшимъ лѣтъ такъ „скорбѣлъ ножками“, что иногда, по его собственнымъ словамъ (въ іюнѣ 1627 года), его „до возка и изъ возка въ креслахъ носятъ“ [1]). Около царя замѣтенъ кружокъ дворцовой знати—царскихъ родственниковъ, которые вмѣстѣ съ государевой матерью тянулись къ вліянію и власти. Хотя одинъ современникъ и выразился такъ, что мать государя „инока великая старица Марѳа правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ“ [2]), однако очевидно, что старица правила только дворцомъ и поддерживала не царство, а свой „родъ“. Теченіе политической жизни шло мимо ея кельи и направлялось не ею; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы великая старица вѣдала какое либо государственное дѣло. Правительственный авторитетъ принадлежалъ тогда даже и не одному царю: рядомъ съ нимъ стояла „вся земля“ или земскій соборъ, и предъ государевымъ указомъ и всея земли приговоромъ исчезали личныя воздѣйствія великой старицы и ея родни. Но и авторитетъ земскаго собора былъ въ тѣ годы, если можно такъ выразиться, пассивенъ. Соборъ являлся на сцену только тогда, когда къ нему обращались, и отвѣчалъ своимъ приговоромъ лишь на то, на что государь желалъ

---

[1]) Письма русскихъ государей, I, М. 1848, №№ 182, 183 и слѣд.

[2]) П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 64.

его приговора. „Вся земля“ была какъ бы совѣщательнымъ органомъ при какомъ-то правительствѣ, во главѣ котораго стоялъ царь и въ составѣ котораго находились истинные руководители московской политики. Конечно, это не была боярская дума во всемъ ея составѣ; но мы не знаемъ, кто именно это былъ. Просматривая списокъ думныхъ людей тѣхъ лѣтъ, мы не можемъ точно сказать, кого изъ думцевъ надлежитъ считать только высшимъ чиновникомъ, и въ комъ изъ думцевъ надлежитъ видѣть вліятельнаго совѣтника и даже направителя власти. Между тѣмъ, если бы намъ удалось опредѣлить этотъ пока не вполнѣ вѣдомый правительственный составъ, мы получили бы возможность многое объяснить въ правительственныхъ пріемахъ и стремленіяхъ даннаго момента, нашли бы ключъ къ той загадкѣ, надъ которою много думали ученые разныхъ поколѣній отъ академика К. И. Арсеньева, давно описавшаго „высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Ѳедоровича“, до современнаго намъ Д. И. Иловайскаго съ его „эпохою Михаила Ѳедоровича Романова“.

Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью путемъ пересмотра нѣкоторыхъ обстоятельствъ воцаренія и первоначальной практики династіи Романовыхъ подойти къ опредѣленію того, въ чьихъ именно рукахъ оказались судьбы московскаго общества послѣ пережитой имъ тяжелой смуты и изъ кого составилось московское правительство при новой династіи XVII вѣка.

I.

Для нашей цѣли необходимо припомнить нѣкоторыя обстоятельства самаго избранія на престолъ царя Михаила.

Въ настоящее время можно считать совершенно выясненнымъ, что руководители земскаго ополченія 1611—1612 года ставили своею задачею не только „идти на очищеніе“ Москвы отъ поляковъ, но и сломить казаковъ, захватившихъ въ свои руки центральныя учрежденія въ подмосковныхъ „таборахъ“, а вмѣстѣ съ ними и правительственную власть. Какъ ни слаба была на дѣлѣ эта власть, она становилась на дорогѣ всякой иной попыткѣ создать центръ народнаго единенія; она покрывала своимъ авторитетомъ „всея земли“ казачьи безчинства, терзавшія земщину; она грозила, наконецъ, опасностью соціальнаго переворота и водворенія въ странѣ „воровскаго“ порядка или, вѣрнѣе, безпорядка. Обстоятельства поставили для князя Пожарскаго войну съ казаками въ первую очередь: казаки сами открыли

военныя дѣйствія противъ нижегородцевъ. Междоусобная война русскихъ людей шла безъ помѣхи со стороны поляковъ и литвы почти весь 1612 годъ. Сначала Пожарскій выбилъ казаковъ изъ Поморья и Поволжья и отбросилъ ихъ къ Москвѣ. Тамъ, подъ Москвою, они были не только не вредны, но даже полезны для цѣлей Пожарскаго тѣмъ, что парализовали польскій гарнизонъ Москвы. Предоставляя обоимъ своимъ врагамъ истощать себя взаимною борьбою, Пожарскій не спѣшилъ изъ Ярославля къ Москвѣ. Ярославскія власти думали даже и государя избрать въ Ярославлѣ и собирали въ этомъ городѣ совѣтъ всея земли не только для временнаго управленія государствомъ, но и для государева „обиранья“. Однако приближеніе къ Москвѣ вспомогательнаго польско-литовскаго отряда вынудило Пожарскаго выступить къ Москвѣ,—и тамъ, послѣ побѣды надъ этимъ отрядомъ, разыгрался послѣдній актъ междоусобной борьбы земцевъ и казаковъ. Приближеніе земскаго ополченія къ Москвѣ заставило меньшую половину казачества отложиться отъ прочей массы и вмѣстѣ съ Заруцкимъ, ея атаманомъ и „боярином“, уйти изъ-подъ Москвы на югъ. Другая, бо́льшая половина казаковъ, чувствуя себя слабѣе земцевъ, долго не рѣшалась ни бороться съ ними, ни подчиниться имъ. Надобенъ былъ цѣлый мѣсяцъ смутъ и колебаній, чтобы предводитель этой части казачества тушинскій боярин кн. Д. Т. Трубецкой могъ вступить въ соглашеніе съ Пожарскимъ и Мининымъ и соединилъ свои „приказы“ съ земскими въ одно „правительство“. Какъ старшій по своему отечеству и чину, Трубецкой занялъ въ этомъ правительствѣ первое мѣсто; но фактическое преобладаніе принадлежало другой сторонѣ, и казачество въ сущности капитулировало предъ земскимъ ополченіемъ, поступивъ какъ бы на службу и въ подчиненіе земскимъ властямъ. Разумѣется, это подчиненіе не могло сразу стать прочнымъ, и лѣтописецъ не разъ отмѣчалъ казачье своеволіе, доводившее рать почти „до крови“, однако дѣло стало ясно въ томъ отношеніи, что казачество отказалось отъ прежней борьбы съ основами земскаго порядка и отъ правительственнаго первенства. Казачество распалось и отчаялось въ своемъ торжествѣ надъ земщиной.

Такое пораженіе казачества было очень важнымъ событіемъ во внутренней исторіи московскаго общества, не менѣе важнымъ, чѣмъ „очищеніе“ Москвы. Если съ плѣномъ польскаго гарнизона падала всякая тѣнь власти Владислава на Руси, то съ пораженіемъ казачества исчезала всякая возможность дальнѣйшихъ самозванческихъ авантюръ. Желавшее себѣ царя „отъ иновѣрныхъ“ московское боярство

навсегда сошло съ политической арены, разбитое бурями смутной поры. Одновременно съ нимъ проиграла свою игру и казачья вольница съ ея Тушинскими вожаками, измышлявшими самозванцевъ. Къ дѣламъ становились „послѣдніе“ московскіе люди, пришедшіе съ Кузьмою Мининымъ и Пожарскимъ городскіе мужики и рядовые служилые люди. У нихъ была опредѣленная мысль „иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Марики съ сыномъ не хотѣть“ [1]), а хотѣть и обирать кого-нибудь изъ своихъ „великихъ родовъ“. Такъ само собою намѣчалось главное условіе предстоявшаго въ Москвѣ царскаго избранія; оно вытекало изъ реальной обстановки данной минуты, какъ слѣдствіе дѣйствительнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Сложившаяся въ ополченіи 1611 — 1612 гг. правительственная власть была создана усиліями среднихъ слоевъ московскаго населенія и была ихъ вѣрною выразительницею. Она овладѣла государствомъ, очистила столицу, сломила казачьи таборы и подчинила себѣ большинство организованной казачьей массы. Ей оставалось оформить свое торжество и царскимъ избраніемъ возвратить странѣ правильный правительственный порядокъ. Недѣли черезъ три послѣ взятія Москвы, то есть въ серединѣ ноября 1612 года, временное правительство уже посылаетъ въ города приглашенія прислать въ Москву выборныхъ и съ ними о государскомъ избраніи „совѣтъ и договоръ крѣпкой“. Этимъ какъ бы открывался избирательный періодъ, завершенный въ февралѣ избраніемъ царя Михаила. Толки о возможныхъ кандидатахъ на престолъ должны были начаться немедля. Хотя мы вообще и очень мало знаемъ о такихъ толкахъ, однако можемъ — изъ того, что̀ знаемъ,—извлечь нѣсколько цѣннѣйшихъ наблюденій надъ отношеніями существовавшихъ тогда общественныхъ группъ.

Недавно стало извѣстно одно важное показаніе о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ въ самомъ концѣ ноября 1612 года. Въ эти дни польскій король послалъ свой авангардъ подъ самую Москву, а въ авангардѣ находились и русскіе „послы“ отъ Сигизмунда и Владислава къ московскимъ людямъ, именно князь Данило Мезецкій и дьякъ Иванъ Грамотинъ. Они должны были „зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство“. Однако всѣ ихъ посылки въ Москву не повели къ добру, и Москва начала съ польскимъ авангардомъ „задоръ и бой“. На бою поляки взяли въ плѣнъ бывшаго въ Москвѣ

---

[1]) Дворц. Разр. I, ст. 13.

смоленскаго сына боярскаго Ивана Философова и сняли съ него допросъ. То, что показалъ имъ Философовъ, было давно извѣстно изъ московской лѣтописной записи. Его спрашивали: „хотятъ ли взять королевича на царство? и Москва нынѣ людна-ли? и запасы въ ней есть ли?“ По выраженію лѣтописца, Филосфову „даде Богъ слово, что глаголати“: онъ сказалъ будто бы полякамъ: „Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати“ [1]). Изъ словъ Философова, думаетъ лѣтописецъ, король вывелъ заключеніе, что въ Москвѣ много силъ и единодушія, — и потому ушелъ изъ Московскаго государства. Не такъ давно напечатанный документъ освѣщаетъ инымъ свѣтомъ показаніе Философова. Въ изданныхъ г. А. Гиршбергомъ матеріалахъ по исторіи московско-польскихъ отношеній мы читаемъ подлинный отчетъ королю и королевичу князя Д. Мезецкаго и Ив. Грамотина о допросѣ Философова. Они между прочимъ пишутъ: „А въ роспросѣ, господари, намъ и полковникомъ сынъ боярской (именно Иванъ Философовъ) сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ, великимъ господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на господарство васъ, велшкаго господаря королевича Владислава Жигимонтовита, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужского. И во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ; а дворяне де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ (то-есть, 4500), да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики чернь. А бояръ деи, господари, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякія дѣла князь Дмитрей Трубецкой да князь Дмитрей Пожарской да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ“ [2]). Очевидно, что изъ этихъ словъ отчета о показаніи Философова польскій король извлекъ не совсѣмъ тѣ выводы, какіе предположилъ московскій лѣтописецъ. Что въ Москвѣ

---

[1]) Никон. Лѣт., VIII, стр. 198—199.

[2]) *Aleksander Hirschberg.* Polska a Moskwa. We Lwowie. 1901, стр. 361—364.

большой гарнизонъ, король могъ не сомнѣваться: семь съ половиной тысячъ ратныхъ людей, кромѣ черни, годной по тѣмъ временамъ для обороны стѣнъ, составляли внушительную силу. Среди гарнизона не было единодушія, но Сигизмундъ видѣлъ, что въ Москвѣ преобладаютъ, и притомъ рѣшительно преобладаютъ враждебные ему элементы. Не питая надеждъ на успѣхъ, онъ и рѣшился повернуть назадъ.

Такова обстановка, въ какой извѣстно намъ показаніе Философова. Обѣ воевавшія стороны придавали ему большое значеніе. Москва знала его не въ дѣловой, а, такъ сказать, въ эпической редакціи: отступленіе Сигизмунда, бывшее или казавшееся послѣдствіемъ рѣчей Философова, придало имъ ореолъ патріотическаго подвига, и самыя рѣчи редактировались лѣтописцемъ, подъ впечатлѣніемъ этого подвига, слишкомъ благородно и красиво. Король же узналъ показаніе Философова въ дѣловой передачѣ такого умнаго дѣльца, каковъ былъ дьякъ Ив. Грамотинъ. Сжато и мѣтко очерчивается въ отчетѣ кн. Мезецкаго и Грамотина положеніе Москвы, и мы въ интересахъ научной правды можемъ смѣло положиться на этотъ отчетъ.

Становится ясно, что черезъ мѣсяцъ по очищеніи Москвы главныя силы земскаго ополченія были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, съ окончаніемъ похода служилые отряды получали разрѣшеніе возвращаться въ свои уѣзды „по домомъ“. Взятіе Москвы было тогда понято какъ конецъ похода. Содержать многочисленное войско въ разоренной Москвѣ было трудно; еще труднѣе было служилымъ людямъ кормиться тамъ самимъ. Не было и основанія для того, чтобы держать въ столицѣ большія массы полевого войска—дворянской конницы и даточныхъ людей. Оставивъ въ Москвѣ необходимый гарнизонъ, остальныхъ сочли возможнымъ отпустить домой. Это-то и разумѣетъ лѣтописецъ, когда говоритъ о концѣ ноября: „людіе жъ съ Москвы всѣ розъѣхалися“ [1]). Въ составѣ гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московскіе дворяне, нѣкоторыя группы провинціальныхъ, „городовыхъ“, дворянъ (самъ Иванъ Философовъ, напримѣръ, былъ не москвичъ, а „смолянинъ“, то-есть изъ смоленскихъ дворянъ), далѣе стрѣльцы (число которыхъ уменьшилось въ смуту) и, наконецъ, казаки. Философовъ точно опредѣляетъ число дворянъ въ 2.000, число стрѣльцовъ въ 1.000 и число

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 198. Это совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Философова, что „дворяне и дѣти боярскіе разъѣхались по помѣстьямъ“.

казаковъ въ 4.500 человѣкъ. Получилось такое положеніе, которое врядъ ли могло нравиться московскимъ властямъ. Съ роспускомъ городскихъ дружинъ служилыхъ и тяглыхъ людей казаки получили численный перевѣсъ въ Москвѣ. Ихъ некуда было распустить по ихъ бездомовности и ихъ нельзя было разослать на службу въ города по ихъ ненадежности. Начиная съ приговора 30-го іюня 1611 года, земская власть, какъ только получала преобладаніе надъ казачествомъ, стремилась выводить казаковъ изъ городовъ и собирать ихъ у себя подъ рукою въ цѣляхъ надзора. И. Пожарскій въ свое время, въ первой половинѣ 1612 года, стягивалъ служилыхъ подчинившихся ему казаковъ въ Ярославль и затѣмъ велъ ихъ съ собою подъ Москву. Поэтому-то въ Москвѣ и оказалось такъ много казаковъ. Насколько мы располагаемъ цифровыми данными для того времени, мы можемъ сказать, что указанное Философовымъ число казаковъ „полпяты тысячи“ очень велико, но вполнѣ вѣроятно. По нѣкоторымъ соображеніямъ, въ 1612 году подъ Москвою съ кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ сидѣло около 5.000 казаковъ; изъ нихъ Заруцкій увелъ около 2.000, а остальные поддался земскому ополченію Пожарскаго. Не знаемъ точно, сколько пришло въ Москву казаковъ съ Пожарскимъ изъ Ярославля; но знаемъ, что немногимъ позднѣе того времени, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а именно въ мартѣ и апрѣлѣ 1613 года, казачья масса въ Москвѣ была столь значительна, что упоминаются отряды казаковъ въ 2.323 и 1.140 человѣкъ и ими не исчерпывается еще вся наличность казаковъ въ Москвѣ [1]). Такимъ образомъ надобно вѣрить цифрѣ Философова и признать, что въ исходѣ 1612 года казачьи войска въ Москвѣ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое, превосходили дворянъ и раза въ полтора превосходили дворянъ и стрѣльцовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Эту массу надобно было обезпечить кормами и надобно было держать въ повиновеніи и порядкѣ. Повидимому, московская власть этого не достигала, и побѣжденное земцами казачество снова поднимало голову, пытаясь овладѣть положеніемъ дѣлъ въ столицѣ. Такое настроеніе казаковъ и отмѣтилъ Философовъ словами: „и во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ“.

Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали „кормовъ“ и всякаго жалованья, а съ другой — они „примѣривали“ на царство своихъ кандидатовъ. О кормахъ и жалованьѣ лѣтописецъ

---

[1]) Мои „Очерки по исторіи смуты“, глава V, § VII. Дворц. Разряды, I. ст. 1052 (сравн. 1094), 1054, 1109—1110, 1115.

говоритъ кратко, но сильно [1]): онъ сообщаетъ, что казаки послѣ взятія Кремля „начаша прошати жалованья безпрестанно“, они „всю казну московскую взяша, и едва у нихъ немного государевы казны отняша“; изъ-за казны они однажды пришли въ Кремль и хотѣли „побить“ начальниковъ (то есть Пожарскаго и Трубецкого), но дворяне но допустили до этого и межъ ними „едва безъ крови пронде“. По словамъ Философова, московскія власти „что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакомъ въ жалованье; а что (при сдачѣ Москвы) взяли въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей, и то все поимали казаки жъ“ [2]). Наконецъ, архіепископъ Арсеній Елассонскій согласно съ Философовымъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о розыскахъ царской казны послѣ Московскаго очищенія и о раздачѣ ея „воинамъ и казакамъ“, послѣ чего „весь народъ успокоился“ [3]). Очевидно, вопросъ объ обезпеченіи казаковъ составлялъ тогда тяжелую заботу московскаго правительства и постоянно грозилъ властямъ насиліями съ ихъ стороны. Сознавая свое численное превосходство въ Москвѣ, казаки шли далѣе „жалованья“ и „кормовъ“: они, очевидно, возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи, утерянномъ ими вслѣдствіе успѣховъ Пожарскаго. Послѣ московскаго очищенія во главѣ временнаго правительства почитался казачій начальникъ боярин князь Трубецкой, главную силу московскаго гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакамъ можетъ и должно принадлежать и рѣшеніе вопроса о томъ, кому вручить московскій престолъ. Стоя на этой мысли, казаки заранѣе „примѣривали“ на престолъ наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнію, лицъ. Такими оказывались сынъ бывшаго Тушинскаго и Калужскаго царя „вора“, увезенный Заруцкимъ, и сынъ бывшаго Тушинскаго патріарха Филарета Романова.

Московскимъ властямъ приходилось до времени терпѣть всѣ казачьи выходки и притязанія, потому что привести казаковъ въ полное смиреніе можно было или силою, собравъ въ Москву новое земское ополченіе, или авторитетомъ всея земли, собравъ земскій соборъ. Торопясь съ созывомъ собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацію земскихъ ополченій послѣ только что оконченнаго похода подъ Москву было бы чрезвычайно трудно. Другихъ

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 197.

[2]) *A. Hirschberg*, 363—364; срвн. Русск. Ист. Библ. I, ст. 353.

[3]) *А. А. Дмитріевскій*, „Архіепископъ Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи“. Кіевъ. 1899, стр. 164—166.

средствъ воздѣйствія на казачество въ распоряженіи правительства не было. Терпѣть приходилось еще и потому, что въ казачествѣ правительство видѣло дѣйствительную опору противъ вожделѣній королевскихъ приверженцевъ. Философовъ не даромъ говорилъ, что „бояре и лучшіе люди“ въ Москвѣ таили свое желаніе пригласить Владислава — „боясь казаковъ“. Противъ поляковъ и ихъ московскихъ друзей казаки могли оказать существенную помощь, и Сигизмундъ повернулъ назадъ отъ Москвы въ концѣ 1612 года скорѣе всего именно въ виду „полупяты тысячи“ казаковъ и ихъ противу-польскаго настроенія. Счеты съ агентами и сторонниками Сигизмунда тогда въ Москвѣ еще не были закончены и отношенія къ царю Владиславу Жигимонтовичу еще не были ликвидированы. Философовъ сообщалъ, что въ Москвѣ арестовано „за приставы русскихъ людей, которые сидѣли въ осадѣ: Иванъ Безобразовъ, Иванъ Чичеринъ, Ѳедоръ Ондроновъ, Степанъ Соловецкій, Баженъ Замочниковъ; и Ѳедора де и Бажена пытали на пытцѣ въ казнѣ“. Согласно съ этимъ и архіепископъ Арсеній Елассонскій говоритъ, что по очищеніи Москвы „враговъ государства и возлюбленныхъ друзей великаго короля, Ѳ. Андронова и Ив. Безобразова, подвергли многимъ пыткамъ, чтобы разузнать о царской казнѣ, о сосудахъ и о сокровищахъ... Во время наказанія ихъ (то-есть, друзей короля) и пытки умерли изъ нихъ трое: великій дьякъ царскаго судилища Тимоѳей Савиновъ, Степанъ Соловецкій и Баженъ Замочниковъ, присланные великимъ королемъ довѣреннѣйшіе казначеи его къ царской казнѣ“ [1]). По обычаю той эпохи, „худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ“, служившихъ королю, держали за приставами и пытали до смерти, а великихъ бояръ, виновныхъ въ той же службѣ королю, только „въ думу не пропускали“ и, самое большее, держали подъ домашнимъ арестомъ, пока земскій совѣтъ въ городахъ не рѣшитъ вопроса: „пускать ихъ въ думу, или нѣтъ“? До насъ не дошли грамоты, которыя были, по словамъ Философова, посланы въ города о томъ, можно ли бояръ князя Мстиславскаго „съ товарищи“ пускать въ думу. Но есть полное основаніе думать, что на этотъ вопросъ въ Москвѣ въ концѣ концовъ отвѣтили отрицательно, такъ какъ выслали Мстиславскаго „съ товарищи“ изъ Москвы куда-то „въ городы“ и произвели государево избраніе безъ нихъ. Всѣ эти мѣры противъ московскаго бояр-

---

[1]) *A. Hirschberg*, 363.—*А. А. Дмитріевскій*, стр. 164 и 166 (рѣшаемся вмѣсто Μπαξένας Замойскій прочесть: Баженъ Замочниковъ).

ства и московской администраціи, служившихъ королю, временное московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарскаго и „Куземки“ Минина могло принимать главнымъ образомъ съ сочувствіемъ казачества, ибо въ боярахъ и „лучшихъ людяхъ“ еще жива была тенденція въ сторону Владислава.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни въ концѣ 1612 года. Изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь данныхъ ясенъ тотъ выводъ, что побѣда, одержанная земскимъ ополченіемъ надъ королемъ и казаками, требовала дальнѣйшаго упроченія. Враги были побѣждены, но не уничтожены. Они пытались, какъ могли, вернуть себѣ утраченное положеніе, и если имя Владислава произносилось въ Москвѣ не громко, то громко раздавались имена „Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго“. Земщинѣ предстояла еще забота—на земскомъ соборѣ настоять, чтобы не прошли на престолъ ни иноземцы, ни самозванцы, о которыхъ, какъ видимъ, еще смѣли мечтать побѣжденные элементы. Успѣху земскихъ стремленій въ особенности могло мѣшать то обстоятельство, что земскому собору предстояло дѣйствовать въ столицѣ, занятой въ большинствѣ казачьимъ гарнизономъ. Преобладаніе казачьей массы въ городѣ могло оказать нѣкоторое давленіе и на представительное собраніе, направивъ его такъ или иначе въ сторону казачьихъ вожделѣній.

Насколько мы можемъ судить, нѣчто подобное и случилось на избирательномъ соборѣ 1613 года. Иностранцы послѣ избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича получили такое впечатлѣніе, что это избраніе было дѣломъ именно казаковъ. Въ офиціальныхъ, стало быть отвѣтственныхъ, бесѣдахъ литовско-польскихъ дипломатовъ съ московскими, въ первые мѣсяцы послѣ выбора Михаила русскимъ людямъ приходилось выслушивать „непригожія рѣчи“: Левъ Сапѣга грубо высказалъ самому Филарету при московскомъ послѣ Желябужскомъ, что „посадили сына его на Московское государство государемъ одни казаки донцы“; Александръ Гонсѣвскій говорилъ князю Воротынскому, что Михаила „выбрали одни казаки“. Съ своей стороны шведы высказывали мнѣніе, что въ пору царскаго избранія въ Москвѣ были „казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи“ [1]). Эти впечатлѣнія посторонникъ лицъ встрѣчаютъ нѣкоторое подтвержденіе

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, II, 1073 и 1084.—Доп. къ А. И. II, стр. 30.—Мои „Очерки по ист. смуты“, глава V, § VIII.—*А. И. Маркевичъ*, „Избраніе на царство М. О. Романова“ (въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.*, 1891, сентябрь. стр. 192).

и въ московскихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Разумѣется, нечего искать такихъ подтвержденій въ офиціальныхъ московскихъ текстахъ: они представляли дѣло такъ, что царя Михаила самъ Богъ далъ и всею землею обрали. Эту же идеальную точку зрѣнія усвоили себѣ и всѣ русскія литературныя сказанія XVII вѣка. Царское избраніе, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось особымъ благодѣяніемъ Господнимъ, и приписывать казакамъ избраніе того, кого „самъ Богъ объявилъ“, было въ глазахъ земскихъ людей неприличною безсмыслицею. Но все-таки въ московскомъ обществѣ осталась нѣкоторая память о томъ, что въ счастливомъ избраніи законнаго государя приняли участіе и проявили починъ даже и склонные ко всякому беззаконію казаки. Авраамій Палицынъ разсказываетъ, что къ нему на монастырское подворье въ Москвѣ во время земскаго собора приходили вмѣстѣ съ дворянами и казаки съ мыслью именно о Михаилѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ и просили его довести ихъ мысль до собора. Изданный И. Е. Забѣлинымъ поздній и въ общемъ недостовѣрный разсказъ о царскомъ избраніи 1613 года заключаетъ въ себѣ одну любопытнѣйшую подробность о томъ, что права Михаила на избраніе объяснилъ собору между прочимъ „славнаго Дону атаманъ“ [1]). Эти упоминанія о заслугахъ казаковъ въ дѣлѣ объявленія и укрѣпленія кандидатуры М. Ѳ. Романова имѣютъ очень большую цѣну: они свидѣтельствуютъ, что роль казачества въ царскомъ избраніи не была скрыта и отъ московскихъ людей, хотя имъ она представлялась, конечно, иначе, чѣмъ иноземцамъ.

Руководясь приведенными намеками источниковъ, мы можемъ себѣ ясно представить, какой смыслъ имѣла кандидатура М. Ѳ. Романова и каковы были условія ея успѣха на земскомъ соборѣ 1613 года.

Собравшись въ Москву въ исходѣ 1612 или въ самомъ началѣ 1613 года, земскіе выборные хорошо представили собою „всю землю“. Окрѣпшая въ эпоху смуты практика выборнаго представительства позволила избирательному собору на самомъ дѣлѣ представить собою не одну Москву, а Московское государство въ нашемъ смыслѣ этого термина. Въ Москвѣ оказались представители не менѣе 50-ти городовъ и уѣздовъ; представлены были и служилый и тяглый классъ населенія; были и представители казаковъ [2]). Въ своей массѣ соборъ ока-

---

[1]) Сказаніе Палицына, изд. 1822 года, стр. 291. *И. Е. Забѣлинъ* „Мининъ и Пожарскій“, изд. 1896 г., стр. 299—300.

[2]) Не останавливаемся на данныхъ о составѣ и дѣятельности собора 1613 года:

зался органомъ тѣхъ слоевъ московскаго населенія, которые участвовали въ очищеніи Москвы и возстановленіи земскаго порядка; онъ не могъ служить ни сторонникамъ Сигизмунда, ни казачьей политикѣ. Но онъ могъ и неизбѣжно долженъ былъ стать предметомъ воздѣйствія со стороны тѣхъ, кто еще надѣялся на возстановленіе королевской власти или же казачьяго режима. И вотъ отнимая надежду какъ на то, такъ и на другое, соборъ прежде всякаго иного рѣшенія торжественно укрѣпился въ мысли: „а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть“. Въ этомъ рѣшеніи заключалось окончательное пораженіе тѣхъ, кто думалъ еще бороться съ результатами московскаго очищенія и съ торжествомъ среднихъ консервативно-настроенныхъ слоевъ московскаго населенія. Исчезало навсегда „хотѣніе“ бояръ и „лучшихъ людей“, которые „служили“ королю, по выраженію Философова, и желали бы снова „просити на государство“ Владислава. Невозможно было долѣе „примѣривать“ на царство и „Воровскаго Калужскаго“, а стало быть мечтать о соединеніи съ Заруцкимъ, который держалъ у себя „Маринку“ и ея „Воровскаго Калужскаго“ сына.

Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ, какъ мы видѣли, была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы, и даже знатнѣйшіе бояре, „которые на Москвѣ сидѣли“, вынуждены были уѣхать изъ Москвы и не были на соборѣ вплоть до той поры, когда новый царь былъ уже избранъ: ихъ вернули въ Москву только между 7 и 21 февраля. Если до собора сторонники приглашенія Владислава „имянно о томъ говорити не смѣли, боясь казаковъ“, то на соборѣ имъ надобно было беречься еще болѣе, боясь не однихъ казаковъ, но и „всей земли“, которая одинаково съ казаками не жаловала короля и королевича. Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому ка-

---

о нихъ намъ пришлось говорить дважды, именно въ „Очеркахъ“, глава V, § VIII, и въ статьѣ „Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ“ (*Журналъ для всѣхъ* за 1905 годъ и отдѣльно). Кромѣ того, см. только что названный трудъ А. И. Маркевича.

заками,—къ „Филаретову сыну“. Онъ былъ не чета „воренку“. Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвигали его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ Тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и Маринкина сына и „говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ“,—то изъ всѣхъ великихъ родовъ естественно возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись и казаки и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ удобно былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искренняя и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно „единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ“ его будущихъ подданныхъ.

II.

Изложенныя нами обстоятельства воцаренія М. Ѳ. Романова исключаютъ, по нашему мнѣнію, всякую возможность предполагать, что это воцареніе было обставлено боярскими ограниченіями. Новый государь былъ предложенъ не боярами, избранъ въ отсутствіе виднѣйшихъ бояръ „князя Мстиславскаго съ товарищи“, приглашенъ на государство земскимъ соборомъ, а не думою. Нѣтъ, кажется, ни одного такого момента во всемъ ходѣ избранія, когда боярская власть или интрига могла бы повліять на ходъ общенароднаго дѣла и придать ему, явно или тайно, форму удобную для бояръ или боярской думы.

Извѣстія о такъ называемыхъ ограниченіяхъ царя Михаила Ѳедоровича съ удобствомъ можно раздѣлить на двѣ группы. Въ первую надлежитъ отнести свидѣтельства современниковъ царя Михаила Ѳе-

доровича, во вторую — извѣстія, относящіяся къ XVIII столѣтію и принадлежащія иностранцамъ (и В. Н. Татищеву). Такъ какъ сводъ и критическій анализъ и тѣхъ и другихъ извѣстій данъ давно проф. А. И. Маркевичемъ [1]), то намъ нѣтъ необходимости приводить здѣсь ихъ тексты и останавливаться на деталяхъ интересующихъ насъ сообщеній. Скажемъ вообще, что извѣстія второй группы допускаютъ одну общую оцѣнку, потому что имѣютъ общій отличительный признакъ: они возникли одновременно и, повидимому, по одному и тому же поводу. Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Петра Великаго, въ періодъ образованія центральныхъ органовъ управленія новаго типа, вопросъ объ организаціи самой власти ставился на очередь самымъ ходомъ вещей. Разрушеніе боярской думы не повлекло за собою въ системѣ Петра образованія новаго законодательнаго учрежденія, а въ немъ многими чувствовалась нужда. Съ разныхъ сторонъ указывали Петру на существовавшій пробѣлъ и давали мысль объ учрежденіи „тайнаго совѣта“ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Самъ Петръ имѣлъ намѣреніе устроить, въ видѣ особой коллегіи, верховный объединяющій и направляющій органъ управленія. Но Петръ до конца дней своихъ довольствовался въ этомъ отношеніи своимъ „кабинетомъ“, въ которомъ самъ вырабатывалъ законопроекты, не стѣсняясь никакими „коллегіями“ и „совѣтами“. А на нѣкоторыхъ его современниковъ и сотрудниковъ шведскій олигархическій переворотъ 1720 года повліялъ въ томъ направленіи, что ихъ мысль о благоустроеніи верховной власти перешла въ мечту объ ограниченіи личной власти государя [2]). Въ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта въ началѣ 1726 года многіе готовы были видѣть первый шагъ именно въ этомъ направленіи; а въ 1730 году „верховники“ пытались сдѣлать и второй, болѣе опредѣленный и рѣшительный, шагъ въ сторону шведскихъ олигархическихъ порядковъ. Такимъ образомъ на пространствѣ двухъ десятилѣтій мы наблюдаемъ въ высшихъ кругахъ бюрократіи извѣстное теченіе политической мысли: оно отправляется отъ заботы возстановить нарушенную такъ называемой реформой правильность правительственныхъ функцій и приводитъ къ по-

---

[1]) См. вторую половину статьи *А. И. Маркевича* „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1891 г., октябрь).

[2]) *П. Н. Милюковъ*, „Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.“, изд. 1, стр. 673—680 (*Его жсе*, „Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны Іоанновны“).—*Н. П. Павловъ-Сильванскій*, „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.“. С.-Пб. 1897, стр. 66—67.

пыткѣ коренного государственнаго переворота. Сначала думаютъ создать что-нибудь соотвѣтствующее старой „думѣ государевой“, а затѣмъ приходятъ къ рѣшимости упразднить старую полноту власти государя. И въ томъ и въ другомъ фазисѣ размышленій и разговоровъ лица, причастныя къ данному дѣлу, неизбѣжно должны были обращаться за справками и сравненіями къ прошлому, именно къ тѣмъ его моментамъ, когда въ старой Москвѣ ставились и рѣшались тѣ же самые вопросы о формахъ и способахъ управленія. Ища отвѣта на свои вопросы въ прошломъ, они вспоминали—по устнымъ преданіямъ—то, чтб было встарину, и по своему освѣщали то, чтб вспоминали. Ихъ воспоминанія и толкованія получали широкое распространеніе въ кругу ихъ близкихъ и знакомыхъ,—и вотъ почему около 1720—1730 гг. иностранцы, жившіе въ Россіи и писавшіе о ней, располагали такими свѣдѣніями о смутномъ времени и о началѣ царствованія Михаила, какими не располагала ни печатная, ни рукописная историческая наша литература того времени. Приводя свои данныя, эти господа и ссылались иногда на частные архивы и частные разсказы. Страленбергъ, напримѣръ, упоминаетъ о письмѣ, „которое, какъ говорятъ, можно еще было видѣть въ оригиналѣ у недавно умершаго фельдмаршала Шереметева и изъ коего нѣкто, его читавшій, сообщилъ мнѣ (т. е. Страленбергу) нѣсколько данныхъ“. Шмидтъ-Физельдекъ, жившій въ домѣ графа Миниха, не иначе, какъ только путемъ слуховъ, ходившихъ въ кругу его патрона, могъ быть освѣдомленъ о документахъ, хранимыхъ, по его сообщенію, въ Успенскомъ соборѣ и какомъ-то „архивѣ“. Историческій матеріалъ, добытый такимъ путемъ, не могъ быть, конечно, точенъ и полонъ. Преданіе знало, что въ смутное время избраніе на престолъ В. Шуйскаго было сопряжено съ обѣщаніями царя подданнымъ. Въ хронографахъ и рукописныхъ сборникахъ можно было найти и самую запись, на которой Шуйскій „поволилъ“ цѣловать крестъ. Такимъ образомъ, при желаніи и стараніи, фактъ „ограниченій“ Шуйскаго могъ быть установленъ твердо. Знало преданіе и о томъ, что Владислава избрали на условіяхъ; могли даже быть извѣстны и самыя условія тѣмъ, кто имѣлъ тогда доступъ въ архивы. Но условій, предложенныхъ, какъ предполагали, царю Михаилу, никто не зналъ, между тѣмъ преданіе помнило, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ правилъ не одинъ, не по старому, а съ участіемъ земщины. Не зная дѣйствительныхъ отношеній царя и земскаго собора, представляли ихъ себѣ въ томъ видѣ, какой считали нормальнымъ по понятіямъ своей эпохи. Такъ и явились, думается намъ,

условія, изложенныя у Страленберга и повторенныя у Фокеродта и гр. Миниха. Они воспроизводили положеніе, не дѣйствительно бывшее въ 1613 году, а такое, какое предполагалось для того времени естественнымъ: царская власть ограничена бюрократической олигархіей и связана рядомъ точно формулированныхъ условій въ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ ея функціяхъ. Словомъ, преданіе о началѣ XVII вѣка строилось на данныхъ начала XVIII вѣка, и его детали въ нашихъ глазахъ должны характеризовать не первый, а второй изъ этихъ моментовъ. Таковъ будетъ, по нашему разумѣнію, единственно-правильный научный пріемъ въ оцѣнкѣ баснословнаго разсказа Страленберга и зависимыхъ отъ него показаній Фокеродта и Миниха. Что же касается до остальныхъ двухъ свидѣтельствъ XVIII столѣтія, именно упоминаній Шмидтъ-Физельдека и Татищева, то это только упоминанія, не болѣе. Одинъ говоритъ, что въ 1613 году существовала „eine förmliche Kapitulation“, а другой—что царя Михаила избрали „съ такою же записью“, какъ и В. Шуйскаго. Оба эти извѣстія доказываютъ только то, что ихъ авторы вѣрили въ справедливость ходившихъ въ ихъ время разсказовъ о существованіи ограничительной записи царя Михаила Ѳедоровича и что самой записи они не видѣли и не знали.

Итакъ, если бы объ ограниченіяхъ 1613 года существовали только извѣстія XVIII вѣка, мы не дали бы имъ вѣры и воспользовались бы ими только для характеристики политическаго умонастроенія тѣхъ круговъ русскаго общества, которые подготовили „затѣйку“ съ пунктами 1730 года, а также ея паденіе. Возникновеніе преданія о записи царя Михаила мы въ такомъ случаѣ объясняли бы неумѣніемъ дѣятелей Петровской эпохи понять соправительство Михаила съ земскимъ соборомъ иначе, какъ результатъ формальнаго ограниченія верховной власти и притомъ ограниченія по извѣстному образцу. Но въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется тѣмъ, что о боярскомъ ограниченіи власти М. Ѳ. Романова говорятъ два его современника—анонимный авторъ Псковскаго сказанія о смутѣ и извѣстный Котошихинъ. Надъ тѣмъ, что они говорятъ, стоитъ остановиться.

Псковское сказаніе „о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ“ давно уже оцѣнено С. М. Соловьевымъ и А. И Маркевичемъ [1]). Однако и

---

[1]) Сказаніе—въ Полн. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 55—62—66.—О немъ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, II, ст. 1387—1390; *А. И. Маркевичъ*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, октябрь, стр. 380—383. См. также мои „Древнерусскія сказанія и повѣсти“, стр. 340—341.

теперь физіономія этого памятника недостаточно ясна. Авторъ сказанія неизвѣстенъ; не поддается опредѣленію и самая среда, къ которой онъ принадлежалъ. Сдѣлано лишь то наблюденіе, что онъ не тяготѣлъ къ высшимъ кругамъ, псковскимъ или московскимъ, и писалъ „въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, что тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ“. Къ этимъ словамъ С. М. Соловьева слѣдуетъ добавить, что мѣстная „собственно псковская“ тенденція сказателя не была политическою и не переходила въ сепаратизмъ. Его протестъ былъ направленъ противъ московскихъ бояръ, какъ представителей высшаго соціальнаго слоя, политически и экономически вреднаго одинаково для Пскова и Москвы, для всего русскаго народа. Демократическое настроеніе автора ведетъ его къ крайностямъ и несправедливости. Разъ дѣло касается „владущихъ“, онъ готовъ на всякія обвиненія и подозрѣнія. Бояре Шуйскіе, по его мнѣнію, злодѣйски погубили кн. М. В. Скопина-Шуйскаго; затѣмъ другіе „отъ боярска роду“ возненавидѣли „своего христіанскаго царя“ и стали желать царя „отъ поганыхъ иновѣрныхъ“, чѣмъ и погубили Москву; при освобожденіи Москвы отъ поляковъ „древняя гордость“ боярина кн. Д. Т. Трубецкого, не желавшаго помочь Пожарскому, чуть было не помѣшала успѣху дѣла. Стоявшіе съ Трубецкимъ подъ Москвою „рустіи бояре и князи“, несмотря на горькій опытъ съ Владиславомъ, снова умыслили призвать иноземнаго царя и дважды посылали за нимъ въ Швецію, „и не сбысться ихъ злый боярской совѣтъ“, потому что „избрали ратные люди и всѣ православные на Московское государство царемъ“ М. Ѳ. Романова. Когда, не ожидая исхода посольства въ Швецію, тотчасъ по взятіи Москвы собрались русскіе люди и стали говорить: „не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа“,—то владущіе и на соборѣ завели рѣчь объ иноземцѣ; „и восхотѣша началницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти“. Такимъ образомъ до воцаренія Михаила Ѳедоровича бояре, руководившіе властью, приводили народъ къ бѣдамъ и гибели. При Михаилѣ пагубная дѣятельность владущихъ продолжалась, но изъ сферы политической она перешла въ сферу административно-хозяйственную. Вотъ какъ представляетъ се себѣ авторъ: такъ какъ новый государь былъ молодъ и не имѣлъ „еще толика разума, еже управляти землею“, то „не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ дьяволъ, возвыся паки владущихъ на мдзопманіе“. Владущіе снова

стали кабалить себѣ народъ, „емлюще въ работу силно собѣ“ трудовое населеніе, возвращавшееся изъ плѣна и бѣговъ: они уже забыли прежнее „безвремяніе“, когда „отъ своихъ рабъ разорени быша“. Не боясь царя, они „его царьская села себѣ поимаша“, такъ какъ государь не зналъ своихъ земель вслѣдствіе пропажи писцовыхъ книгъ, „яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша“ [1]). Въ то же время, умаливъ хищничествомъ государевы доходы, они понудили царя къ увеличенію податныхъ тяготъ: на государевы и государственные расходы брали со всей земли какъ обычные оброки и дани, такъ и экстренную пятую деньгу, „пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей“; на „царскую потребу и росходы“ шли даже и тѣ доходы, изъ которыхъ прежде „государь царь оброки жаловаше“, то есть валъ жалованье служилымъ людямъ (предполагаемъ, „четвертчикамъ“). Своекорыстно отнеслись бояре и къ тому случаю, когда подъ Москву явились „нѣцыи вои, въ Поморьи суще, бяху грабяще люди“. Отставъ отъ грабежа и сознавъ свою вину, эти вои-казаки пожелали идти на помощь Пскову, будто бы осажденному тогда шведами,—„и пріидоша къ царствующему граду и послаша къ царю о собѣ“. И вотъ „слышавъ бояре, начаша совѣтовати собѣ, какъ сія волныя люди собѣ поработити, понеже наши рабы прежде быша, а нынѣ намъ силны быша и не покоряхуся; и призвавше во градъ головъ ихъ, яко до тресотъ,... и переимаша ихъ и перевязаша, а на прочихъ ратію изыдоша и разгромиша ихъ и многихъ переимаша, а достальныхъ 15.000 въ Литву отъѣхаша“. Въ этомъ разсказѣ дѣло

---

[1]) Дворцовыя села и земли дѣйствительно были расхищаемы въ смутное время, но уже въ началѣ 1613 года началось ихъ обратное движеніе во дворецъ. Соборъ 1612—1613 года постановилъ „отписывать дворцовыхъ селъ пашенныхъ и посопныхъ и оброчныхъ“, и „отпищики посланы“ (Дворц. Разр. I, ст. 1083—1084 и примѣч. 2). Такимъ образомъ хищеніямъ полагали конецъ. Но при царѣ Михаилѣ законнымъ порядкомъ и преимущественно въ мелкую раздачу стали снова и притомъ усиленно тратить дворцовый земельный фондъ (*Ю. В. Готье,* „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“. М. 1906, стр. 320—326). Это обстоятельство по-своему и освѣщаетъ авторъ псковскаго сказанія. Надобно замѣтить, что и въ другихъ Псковскихъ лѣтописяхъ бояре обличаются въ присвоеніи земель: „а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ“, говорится подъ 1618 годомъ въ первой Псковской лѣтописи (П. С. Р. Лѣт., IV, 332). Интересно, что здѣсь князь П. Ѳ. Троекуровъ представляется злодѣемъ, тогда какъ въ разбираемомъ Псковскомъ сказаніи ему высказывается похвала (idid. V, 64): такъ мало знали во Псковѣ московскихъ бояръ. Обличеніе въ захватѣ дворцовыхъ селъ читаемъ и подъ 1607 годомъ; здѣсь виновными оказываются П. Шереметевъ и И. Грамотинъ (ibid. IV, 324).

идетъ, очевидно, объ извѣстномъ походѣ воровскихъ казаковъ къ Москвѣ и о пораженіи ихъ княземъ Лыковымъ на рѣкѣ Лужѣ [1]), причемъ событіе излагается съ точки зрѣнія казачьей, „воровской“, то есть такъ, какъ изложилъ бы его участникъ воровского похода, желавшій его оправдать и даже идеализировать. Не говоря уже о томъ, что казачій приходъ подъ Москву произошелъ на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе шведской осады Пскова, самыя обстоятельства похода и правительственной репрессіи переданы совсѣмъ невѣрно, съ наивною тенденціозностью, идущею во что бы то ни стало противъ владущихъ бояръ. Бояре, жадно и злобно хватающіе себѣ царскія земли и рабочихъ людей, разоряющіе царя, государство и народъ, представляются автору главнымъ, даже единственнымъ пожалуй, зломъ его современности, на которое направлена вся сила его обличенія. Мы готовы поэтому, вспомнивъ казачьи рѣчи смутной эпохи противъ „лихихъ бояръ“, счесть казакомъ и самого автора сказанія. Но это не будетъ вѣрно, такъ какъ нашъ авторъ не съ казаками, а противъ казаковъ. Говоря о казачьемъ возстаніи при В. Шуйскомъ, онъ характеризуетъ возставшихъ, какъ „не хотящихъ жити въ законѣ божіи и во блазѣй вѣрѣ и въ тишинѣ, но въ буйствѣ и во объяденіи и во упиваніи и въ разбойничествѣ живуще, желающе чюжаго имѣнія и приступльшихъ къ литовскимъ и нѣмецкимъ людемъ“. Для него казаки—„яко полстіи звѣріе отъ пустыня“: вотъ почему псковичъ, вооруженный противъ бояръ, не можетъ быть поставленъ въ казачьи ряды. Онъ—земскій, только глубоко простонародный человѣкъ. Онъ видитъ въ царѣ Богомъ избранную для возсозданія стараго порядка власть, въ которой „Богъ воздвиже рогъ спасенія людей своихъ“,—и, когда около „блаженнаго“, „зѣло кроткаго, тихаго“ царя совершается зло и неправда, авторъ можетъ объяснить это только боярскимъ умысломъ. Отозвали хорошихъ воеводъ отъ Смоленска, а послали плохихъ и проиграли дѣло,—это вина бояръ: они это сдѣлали, они скрывали отъ царя неудачу, они не допускали къ царю вѣстниковъ; „сицево бѣ попеченіе боярско о земли Русской!“. Осадили шведы Псковъ, во Псковѣ сталъ голодъ, къ царю „много посылаша изъ града о испорученіи“,—бояре скрывали отъ царя вѣсти и вѣстниковъ, „людскія печали и гладу не повѣдаху ему“, и Псковъ не получилъ помощи: „сицево бѣ попеченіе боярско о градѣ!“ Разстроился бракъ царя съ

---

[1]) Книги Разрядныя, I, ст. 1—29; Никон. Лѣт., VIII, стр. 214—216; *Соловьевъ*, II, 1062—1065.

Хлоповой, затѣмъ умерла его первая жена,—во всемъ виноваты бояре: „все то зло сотворися отъ злыхъ чаровникovъ и звѣрообразныхъ человѣкъ“, которые „гнушахуся своего государя и гордяхуся“. Кого именно изъ бояръ разумѣть виновниками зла на Руси, авторъ сказанія повидимому точно не зналъ. Таковъ для него и князь Д. Т. Трубецкой, надменный „древнею гордостью“ бояринъ; таковы же для него „царевѣ матери племянники“ Салтыковы, которые „гнушались“ своего государя и не хотѣли „въ покореніи и въ послушаніи пребывати“; таковы же „подъ Москвою князи и бояре“, призывавшіе шведскаго королевича на московскій престолъ; таковы же думцы царя Михаила Ѳедоровича, не пославшіе помощи подъ Смоленскъ и Псковъ. Для насъ Трубецкой, Салтыковы, Пожарскій съ „князьями и болярами“ подъ Москвою и въ Ярославлѣ, князь Мстиславскій „съ товарищи“, бывшіе въ думѣ царя Михаила съ начала его царствованія,—все это разные круги, направленія и репутаціи. Для автора Псковскаго сказанія всѣ эти люди—одинъ „окаянный и злый совѣтъ“, въ которомъ онъ не различаетъ партій и направленій. Всякій, кто въ данное время пользуется, по выраженію Грознаго, „честію предсѣданія“, тотъ для нашего автора и есть „владущій“, стоящій у власти и злоупотребляющій ею. Съ демократическихъ низовъ своего Псковскаго міра авторъ готовъ былъ во всемъ подозрѣвать всякаго „владущаго“ въ далекой Москвѣ.

Такова обстановка, въ которой находится краткое сообщеніе псковскаго автора о присягѣ царя Михаила. Оно дословно таково: владущіе, захватывая себѣ людей и земли, „царя нивочтоже вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый, еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царьство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велможка роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки; сице окаяннін умыслиша; а въ затоцѣ коему случится быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися. Сего ради и всю землю Рускую раздѣливше по своей волн“ и т. д. [1]). Точный смыслъ этого показанія состоитъ въ томъ, что владущіе бояре своевольничаютъ, не боясь государя, во-первыхъ потому, что онъ молодъ, а во-вторыхъ потому, что имъ удалось его склонить, „уловить лестію“, на то, чтобы не казнить, а только ссылать виновныхъ людей „вел-

---

[1]) Знаки препинанія принадлежатъ намъ: въ печатномъ изданіи пунктуація намъ не представляется удовлетворительною (II. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 64).

можска роду и боярска“. Какъ это удалось владущимъ, не совсѣмъ ясно изъ фразъ нашего автора: его слова можно понять и такъ, что бояре взяли съ царя одно только это обѣщаніе подъ клятвою, когда его „на царство посадиша“; а можно понять и такъ, что, когда новаго государя посадили на царство и взяли съ него общую ограничительную „роту“, присягу, то бояре склонили его и на особое въ ихъ пользу обязательство. Во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о какой-то „ротѣ“ и обязательствѣ въ пользу бояръ и по почину бояръ. Ничего точнаго и опредѣленнаго о формѣ и содержаніи ограниченій авторъ, очевидно, не зналъ. Но онъ вѣрилъ въ „роту“, потому что иначе не могъ себѣ объяснить своеволія и безнаказанности „владущихъ“, и самый предметъ этой „роты“ онъ свелъ въ своемъ представленіи только къ обязательству не казнить владущихъ, а разсылать „въ заточи“. Не знаніе политическаго факта, а желаніе объяснить непонятные факты, на основаніи слуха или своего домысла о царской „ротѣ“,— вотъ что лежитъ въ основаніи наивнаго сообщенія псковскаго писателя о московскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Ознакомясь поближе съ псковскимъ извѣстіемъ, мы не придадимъ ему значенія компетентнаго свидѣтельства. Глубоко-простонародное воззрѣніе на ходъ политической жизни, соединенное съ незнаніемъ дѣйствительной ея обстановки и проникнутое слѣпою ненавистью къ сильнымъ міра сего, сообщаетъ псковскому сказанію извѣстный историко-литературный интересъ, но отнимаетъ у него значеніе историческаго „источника“ въ спеціальномъ смыслѣ этого термина. Если бы объ ограниченіяхъ царя Михаила сохранилось одно только псковское сообщеніе, разумѣется, ему никто бы не повѣрилъ.

Иного рода сообщеніе извѣстнаго Котошихина. Вотъ его существеннѣйшее содержаніе: „Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ были иманы письма.... А нынѣшняго царя (Алексѣя) обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали; и не спрашивали.... А отецъ его блаженныя памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“ [1]). Опущенныя нами пока фразы говорятъ о содержаніи „писемъ“ и компетенціи царя и бояръ; въ приведенныхъ же словахъ вотъ что устанавливается категорически: во-первыхъ, всѣхъ московскихъ царей послѣ Ивана Грознаго „обирали на царство“, во-вторыхъ, съ

[1]) *Котошихинъ*, гл. VIII, § 4.

нихъ брали ограничительныя „письма“, и, въ-третьихъ, ограниченіе царя Михаила имѣло дѣйствительную силу, и онъ правилъ съ боярскимъ совѣтомъ. Котошихинъ зналъ московское прошлое, по выраженію А. И. Маркевича, „плоховато“, и его былевыя показанія необходимо тщательно повѣрять. Самъ А. И. Маркевичъ, въ результатѣ такой повѣрки [1]), выяснилъ, что подъ терминомъ „обираніе“ у Котошихина надо разумѣть не только избраніе въ нашемъ смыслѣ слова, но и особый чинъ вѣнчанія на царство съ участіемъ „всей земли“. Лѣтописецъ, современный Котошихину, о царскомъ вѣнчаніи повѣствуетъ даже такъ, что самый починъ вѣнчанія усволяется земскимъ людямъ. О вѣнчаніи царя Ѳеодора Ивановича онъ, напримѣръ, говоритъ: „пріидоша къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства и молили со слезами царевича Ѳедора Ивановича, чтобы не мѣшкалъ, сѣлъ на Московское государство и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ; онъ же государь не презрѣ моленія всѣхъ православныхъ христіянъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ“. О вѣнчаніи же царя Михаила лѣтописецъ говоритъ, что по пріѣздѣ избраннаго царя въ Москву „пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ; онъ же не презри ихъ моленіе и вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ“ [2]). Тотъ же починъ земщины разумѣетъ и Котошихинъ, когда разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что по смерти его отца всѣ чины „соборовали“ и „обрали“ его и „учинили короноваиіе“. Роль земскихъ чиновъ на этомъ „короноваиіи“, по представленію Котошихина, ограничивается тѣмъ, что представители сословій присутствуютъ при церковномъ торжествѣ, поздравляютъ государя и подносятъ ему подарки; „а было тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей для того обранія человѣка по два изъ города“ [3]). Такимъ образомъ сообщеніе Котошихина о томъ, что русскіе цари послѣ Грознаго были „обираны“, никакъ не можетъ быть понято въ смыслѣ установленія въ Москвѣ принципа избирательной монархіи. Терминологія нашего автора оказывается здѣсь не столь опредѣленной и надежной, какъ представляется съ перваго взгляда. Равнымъ образомъ и свидѣтельство Кото-

---

[1]) *А. И. Маркевичъ*, „Гр. К. Котошихинъ и его сочиненіе“ (Одесса. 1895), стр. 96—100. См. также выше названную статью А. И. Маркевича „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“. Мы не исчерпываемъ здѣсь всѣхъ наблюденій покойнаго историка.

[2]) Ник. лѣт., VIII, стр. 5—6, 206.

[3]) *Котошихинъ*, гл. I, § 6.

шихина о „письмахъ“ надобно надлежащимъ способомъ уяснить и провѣрить. Какіе избранные на московскій престолъ государи и какимъ именно порядкомъ давали на себя письма, мы знаемъ безъ Котошихина; знаемъ и самые тексты „писемъ“. Всѣ эти письма, по Котошихину, имѣютъ одинаковое содержаніе: „быть нежестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ з бояры и з думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати“. Мы же знаемъ, что этими условіями исчерпывалось содержаніе только записи Шуйскаго; договоры же съ иноземными избранниками имѣли болѣе широкое содержаніе. Шуйскій давалъ подданнымъ обѣщаніе не злоупотреблять властью, а править по старому закону и обычаю. А договоры съ польскимъ и шведскимъ королевичами имѣли цѣлью установить форму и предѣлы возникавшей династической уніи съ сосѣднимъ государствомъ и постановку въ Москвѣ власти чуждаго происхожденія. Иначе говоря, запись Шуйскаго гарантировала только интересы отдѣльныхъ лицъ и семей, другія же „письма“ охраняли прежде всего цѣлость, независимость и самобытность всего государства. Въ этомъ — глубокое различіе извѣстныхъ намъ „писемъ“, различіе, оставшееся внѣ сознанія Котошихина. Отсюда и неточность его въ передачѣ самыхъ ограничительныхъ условій. У Котошихина власть государя ограничивается боярскою думою („боярами и думными людьми“) во всѣхъ случаяхъ безразлично. На дѣлѣ Шуйскій говорилъ только о боярскомъ *судѣ* и налагалъ на себя ограниченія лишь въ сферѣ сыска, суда и конфискаціи; въ договорѣ же съ Владиславомъ администрація, судъ и финансы обязательно входили въ компетенцію боярской думы, а законодательствовать могла лишь „вся земля“. Зная это, отнесемся къ сообщенію Котошихина, какъ къ такому, которое лишь слегка и слишкомъ поверхностно касается излагаемаго факта. Какъ во всемъ прочемъ былевомъ матеріалѣ, Котошихинъ и здѣсь оказывается мало обстоятельнымъ и ненадежнымъ историкомъ. А разъ это такъ, наше отношеніе къ послѣдней частности въ разсказѣ Котошихина—къ ограниченіямъ царя Михаила—должно стать весьма осторожнымъ. Кому именно царь Михаилъ далъ на себя письмо, Котошихинъ не объясняетъ: онъ и вообще не говоритъ, кѣмъ были даны на царяхъ письма. По его представленію, царь Михаилъ не могъ ничего дѣлать „безъ боярскаго совѣту“; а такъ какъ боярскій совѣтъ Котошихинъ дважды въ данномъ своемъ отрывкѣ отожествляетъ „з бояры и з думными людми“, то ясно, что подъ боярскимъ со-

вѣтомъ мы должны разумѣть боярскую думу, какъ учрежденіе, а не сословный кругъ бояръ, какъ политическую среду. Сама боярская дума въ моментъ избранія Михаила, можно сказать, не существовала и ограничивать въ свою пользу никого не могла. Органомъ контроля надъ личною дѣятельностью государя и его соправительницею она могла быть сдѣлана лишь по волѣ тѣхъ, кто въ началѣ 1613 года владѣлъ политическимъ положеніемъ на Руси и могъ заставить молодого царя дать „на себя письмо“. Но кто тогда имѣлъ силу это сдѣлать, Котошихинъ не говоритъ и не знаетъ, и если мы захотимъ придать вѣсъ его сообщенію о фактѣ ограниченія Михаила, то характеръ и способъ этого ограниченія должны еще опредѣлить сами. Въ этомъ отношеніи показаніе Котошихина совершенно не вразумительно.

Таковы извѣстія объ ограниченіи власти царя Михаила Ѳеодоровича. Ни одно изъ нихъ не передаетъ точно и вѣроподобно текста предполагаемой записи или „письма“, и всѣ они въ различныхъ отношеніяхъ возбуждаютъ недовѣріе или же недоумѣніе. Изъ матеріала, который они даютъ, нѣтъ возможности составить научно-правильное представленіе о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ. Дѣло усложняется еще и тѣмъ, что до насъ не дошелъ подлинный текстъ (если только онъ когда либо существовалъ) ограничительной грамоты 1613 г. и не наблюдается ни одного фактическаго указанія на то, что личный авторитетъ государя былъ чѣмъ либо стѣсненъ даже въ самое первое время его правленія [1]). Въ такомъ положеніи дѣла нѣтъ возможности безусловно вѣрить показаніямъ объ ограниченіяхъ, сколько бы ни нашлось такихъ показаній. Мы видѣли ранѣе что въ моментъ избранія Михаила положеніе великихъ бояръ, представлявшихъ собою все боярство, было совершенно скомпрометировано. Ихъ разсматривали, какъ измѣнниковъ, и не пускали въ думу, въ которой сидѣло временное правительство—„начальники“ боярскаго и не боярскаго чина съ Трубецкимъ, Пожарскимъ и „Куземкою“ во главѣ; ихъ отдали на судъ земщины, написавъ о нихъ въ города, и выслали затѣмъ изъ Москвы, не позвавъ на государево избраніе; ихъ вернули въ столицу только тогда, когда царь уже былъ выбранъ, и допустили 21 февраля

---

[1]) Вмѣстѣ съ А. И. Маркевичемъ не считаемъ стѣсненіями фактовъ, приводимыхъ С. М. Соловьевымъ (II, 1293—1294), именно, измѣненія печати и распоряженій бояръ объ Андроновѣ (*Маркевичъ*, „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, октябрь, стр. 390 — 392).

участвовать въ торжественномъ провозглашеніи избраннаго безъ нихъ, но и ими признаннаго кандидата на царство. Возможно ли допустить, чтобы эти недавніе узники польскіе, а затѣмъ казачьи и земскіе, только что получившіе свободу и амнистію отъ „всея земли“, могли предложить не ими избранному царю какія бы то ни было условія отъ своего лица или отъ имени ихъ разбитаго смутою сословія? Разумѣется, нѣтъ. Такое ограниченіе власти въ 1613 году прямо немыслимо, сколько бы о немъ ни говорили современники (псковское сказаніе) или ближайшіе потомки (эпохи верховниковъ). Но, можетъ быть, необходимо допустить, что не само боярство, а какая либо иная сила успѣла ограничить власть, дѣйствуя черезъ боярскую думу, какъ высшее учрежденіе, и обративъ эту думу въ свой служебный органъ? Чтобы отрицательно отвѣтить и на этотъ вопросъ, необходимы нѣкоторыя справки въ фактахъ правительственной практики времени царя Михаила. Попробуемъ ихъ дать.

III.

Послѣ избранія Михаила Ѳедоровича земскій соборъ отправилъ къ нему посольство „въ Ярославль или гдѣ онъ, государь, будетъ“ для того, чтобы „государю бити челомъ и умолять его, государя, всякими обычаи“ быть на государствѣ и поспѣшить въ Москву. Посольство нашло Михаила въ Костромѣ 13-го марта; 14-го марта онъ далъ свое согласіе, „учинился въ царскомъ нареченіи и посохъ и благословеніе отъ Ѳеодорита, архіепископа Рязанскаго, и ото всего освященнаго собора принялъ“. Такимъ образомъ, по офиціальной отмѣткѣ, „тое же зимы, въ великій говѣйна, марта въ 14 день, нареченъ бысть богоизбранный государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи на царство“. 19-го марта государь уже выѣхалъ изъ Костромы къ Москвѣ на Ярославль [1]).

Но еще ранѣе этого дня начались дѣловыя письменныя сношенія новаго царя и состоявшихъ при немъ лицъ съ земскимъ соборомъ въ Москвѣ. Вслѣдъ за своимъ посольствомъ соборъ посылалъ изъ Москвы донесенія новому монарху въ надеждѣ, что онъ не откажется принять власть, но еще не получивъ извѣщенія, что онъ ее дѣйствительно принялъ. Сохранились такія соборныя донесенія изъ Москвы отъ 4 и 15 марта. А 17 марта изъ Костромы земскіе послы пишутъ въ Москву

---

[1]) Дворц. Разряды, I, стр. 31, 44, 53, 65—67.

собору, прося „государеву печать и боярской списокъ прислати“ немедля, такъ какъ, по ихъ словамъ, „у насъ, господа, за государевою печатью многіе государевы грамоты стали“. Очевидно, новая власть не могла медлить началомъ своей дѣятельности и сразу взялась за работу. До самаго пріѣзда царя въ Москву (2 мая) продолжались его письменныя сношенія съ московскими учрежденіями, и остатки этой переписки [1]) даютъ намъ нѣсколько цѣнныхъ намековъ на характеръ первоначальныхъ отношеній между царемъ Михаиломъ и органами центральной власти.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить, что въ теченіе великаго поста съ государемъ сносится земскій соборъ, то есть „освященный соборъ“, „бояре“ и „всякихъ чиновъ люди“. Со среды святой недѣли, 7-го апрѣля, сношенія ведутся всего чаще отъ имени „Ѳедорца Мстиславскаго съ товарищи“ и государь съ своей стороны пишетъ „бояромъ нашимъ князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищи“ [2]). Обращеніе государя къ болѣе широкому кругу лицъ послѣ Пасхи наблюдается лишь въ немногихъ особо важныхъ случаяхъ. Объясненій такой перемѣнѣ въ самихъ документахъ нѣтъ, и потому мы о ней можемъ лишь гадать.

По нѣкоторымъ отпискамъ изъ Москвы можно заключить, что члены земскаго собора, избравшаго царя Михаила, не довольствовались тѣмъ, что ихъ послы видѣли новаго государя, но и сами хотѣли видѣть его очи. Такъ, напримѣръ, поступили нижегородскіе выборные, просившіеся у собора къ государю немедля по его избраніи [3]). Понемногу къ государю ѣхали изъ Москвы не только московскіе столичные служилые чины, но и провинціальные служилые представители. Въ концѣ марта всѣ они официально еще числились въ Москвѣ, и соборъ писалъ государю: „дворянъ, государь, и дѣтей боярскихъ

---

[1]) Мы разумѣемъ любопытное собраніе грамотъ, напечатанныхъ въ „приложеніи“ къ первому тому Дворцовыхъ Разрядовъ. Что въ этомъ собраніи уцѣлѣли не всѣ относившіеся къ нему документы, ясно, напримѣръ, изъ текста на ст. 1049, гдѣ упоминаются не дошедшія до насъ письма („писали къ вамъ многижды“), или изъ текста на ст. 1177, гдѣ упомянутъ не сохранившійся до насъ списокъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (срвн. № 48 на ст. 1145).

[2]) См. Д. Р., ст. 1103—1104. Отписка издателями помѣчена „послѣ 10-го апрѣля“ неправильно: въ ней говорится объ отпускѣ къ государю П. Кобякова „того же дни“, когда въ Москвѣ получена привезенная имъ съ Рязани отписка М. Вельяминова, то есть 7-го апрѣля. Пасха въ 1613 году была 4-го апрѣля; поэтому 7-го апрѣля приходилось на среду святой недѣли.

[3]) Д. Р., 1085—1086.

безъ твоего государева указу съ Москвы мы никуды не отпускали опричь тѣхъ, которые отпущены къ тебѣ, государю, въ челобитчикахъ (то есть, въ соборномъ посольствѣ)..... и которые посланы по городомъ для твоихъ государевыхъ дѣлъ“ [1]). Позднѣе (но когда именно, сказать точно нельзя) государь велѣлъ стольникамъ, стряпчимъ и жильцамъ быть на службѣ съ нимъ „въ походѣ къ Москвѣ“, и 25-го апрѣля въ селѣ Любиловѣ былъ имъ окончательный смотръ [2]). Около этого времени бояре писали изъ Москвы царю, что „на Москвѣ столниковъ и дворянъ болшихъ и стряпчихъ нѣтъ никого“; „да и городовые, государь, дворяне многіе (прибавляли они) поѣхали къ тебѣ, государю“. Въ другой отпискѣ бояре выразились и еще категоричнѣе: „столники и дворяне болшіе и изъ городовъ выборные всѣ съ тобою, государемъ“; и это ихъ выраженіе государь повторилъ въ своей отвѣтной грамотѣ: „а дворяне и столники и стряпчіе съ нами всѣ; а что съ нами дворянъ болшихъ и столниковъ и стряпчихъ и дворянъ выборныхъ изъ городовъ, и мы къ вамъ послали имянной списокъ“ [3]). Если принять во вниманіе, что нѣкоторыхъ московскихъ дворянъ въ тѣ дни не было ни въ Москвѣ, ни съ государемъ, потому что они, по боярскому выраженію, „разъѣхались по домомъ“, „многіе разъѣхались по деревнямъ“ [4]),—то можно придти къ заключенію, что нормальный составъ земскаго представительства на московскомъ соборѣ въ апрѣлѣ распался. Въ Москвѣ не осталось вовсе „большихъ“ дворянъ придворнаго круга и придворной службы; остались „дворяне и дѣти боярскіе на Москвѣ немногіе“—попроще, изъ которыхъ было „въ воеводы послать некого“ [5]). Переѣхали къ государю и городскіе выборные дворяне, и такимъ образомъ обѣ части служилаго представительства—и та, которая представительствовала по избранію, и та, которая была на соборѣ на основаніи своего служебнаго положенія и значенія,—собрались у государя „на походѣ“ если

---

[1]) Д. Р., 1084.

[2]) Д. Р., 1145—1146. Можетъ быть, государь вызвалъ къ себѣ служилыхъ людей вслѣдствіе того „челобитья“ князей Трубецкого и Пожарскаго, которое напечатано въ Д. Р., ст. 1207—1208, и издателями отнесено не туда, куда должно,—къ апрѣлю вмѣсто марта. Временное правительство Трубецкого и Пожарскаго уступило мѣсто боярской думѣ, съ Мстиславскимъ во главѣ тогда, когда Мстиславскій „съ товарищи“ получили амнистію и съ нею первенство въ думѣ. Мы знаемъ, что это случилось не ранѣе 21-го февраля и не позднѣе Пасхи 1613 года.

[3]) Д. Р., 1128 и 1131, 1144, 1155—1156.

[4]) Д. Р., 1084, 1126.

[5]) Д. Р., 1128, 1131.

не поголовно, то въ безспорномъ своемъ большинствѣ. Въ Москвѣ же оставались „власти“—митрополитъ Кириллъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, „бояре“—князь Мстиславскій съ товарищи, да тяглые представители, если только они не послѣдовали примѣру нижегородскихъ посадскихъ, пожелавшихъ видѣть государевы очи на походѣ, ранѣе пріѣзда государя въ Москву. Земскій соборъ, словомъ, раздѣлился, какъ и въ 1610 году. Тогда въ великомъ посольствѣ къ Сигизмунду поѣхали послы отъ властей, отъ думы и отъ сословныхъ представителей, причемъ число послѣднихъ было очень значительно. Теперь членами посольства къ М. Ѳ. Романову были также „челобитчики“ отъ властей (архіепископъ Ѳеодоритъ съ освященнымъ соборомъ), отъ думы (Ѳ. И. Шереметевъ „съ товарищи“) и отъ „всякихъ чиновъ людей“ достаточное число „по спискомъ“, причемъ это число, какъ мы только что видѣли, все росло и росло. Въ 1610 году въ Москвѣ оставались, послѣ отъѣзда посольства, только „власти“ или „освященный соборъ“ да дума, а сословные представители считались находящимися въ посольствѣ, гдѣ они и соборовали съ старшими послами въ особо важныхъ случаяхъ ихъ посольскаго дѣла. Въ 1613 году въ Москвѣ оставались тѣ органы центральнаго управленія, которые соотвѣтствовали патріаршему совѣту и боярской думѣ нормальнаго времени, да (предположительно) нѣкоторое число земскихъ представителей тяглаго сословія [1]). Такое раздѣленіе собора и переѣздъ земскихъ выборныхъ къ государю документами косвенно пріурочивается ко времени Пасхи, когда вмѣсто всего собора изъ Москвы начинаютъ писать царю власти и бояре, а чаще и одни бояре. Къ Свѣтлому воскресенью Москва естественно должна была опустѣть: кто могъ, ѣхалъ „по домомъ“ и „по деревнямъ“; другіе же на „великъ день“ должны были спѣшить къ государю. Переѣздъ изъ Москвы на тотъ или иной государевъ станъ былъ очень недалекъ и нетруденъ; поэтому къ государю ѣхали въ очень большомъ числѣ, и уже въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ состоялось такое совѣщаніе государя съ окружавшими его „всякими служилыми и жилецкими людми“, которое было названо „соборомъ“ и отъ себя послало въ Москву къ людямъ всякихъ чиновъ посольство, выбравъ его „изъ духовнаго чина и изъ бояръ и изъ окольничихъ и изо всякихъ чиновъ людей... да изъ городовъ дворянъ и атамановъ и казаковъ“. Это соборное посольство,

---

[1]) *Платоновъ*. „Очерки по исторіи смуты“, глава V, §§ 1 и 2.—Дв. Разр. I, ст. 17—18.

посланное по дѣлу о казачьихъ грабежахъ, было встрѣчено въ Москвѣ своего рода соборомъ, въ которомъ приняли участіе власти, бояре, „всякіе служилые люди и гости и торговые московскіе и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди“ [1]). Очевидно, что, по представленію московскихъ людей, около государя у Троицы и около высшихъ исполнительныхъ органовъ власти въ Москвѣ находился одинъ, раздѣлившійся на два „собора“, совѣтъ всея земли. Если вѣрить точности словоупотребленія въ тогдашнихъ актахъ, то слѣдуетъ заключить, что соборъ у Троицы былъ по составу преимущественно служилый, а соборъ въ Москвѣ—пестрый, съ замѣтнымъ участіемъ, при духовныхъ и служилыхъ людяхъ, также и тяглаго представительства. Съ пріѣздомъ государя въ Москву оба собора снова слились въ одинъ совѣтъ всея земли.

Приведенныя наблюденія позволяютъ сдѣлать тотъ выводъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ боярскою думою въ ея полномъ составѣ вплоть до своего пріѣзда въ Москву. Въ „челобитчикахъ“ къ нему явились немногіе члены земскаго собора съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и близкимъ для Романовыхъ Ѳ. И. Шереметевымъ во главѣ, но не патріаршій освященный соборъ и не государева дума. Сношенія съ царемъ принадлежали сначала всему земскому собору, а не боярамъ и „начальникамъ“, и когда однажды дьякъ по недомыслію редактировалъ земскую отписку государю отъ лица его „холопей“ князей Трубецкого и Пожарскаго, то его поправили, въ чемъ онъ описался, и вмѣсто князей написали въ отпискѣ государевыхъ холопей „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“ [2]). Только тогда, когда большинство земскаго собора оказалось у государя, онъ сталъ сноситься со своею думою, вѣдавшею въ Москвѣ текущія дѣла. При такихъ условіяхъ трудно предположить, чтобы бояре или боярская дума успѣли взять у царя Михаила „письмо“ при его „нареченіи“ 14 марта или же въ теченіе тѣхъ семи недѣль, которыя прошли между нареченіемъ и пріѣздомъ царя въ Москву. А въ эти семь недѣль новый государь успѣлъ, какъ увидимъ, создать около себя свой правительственный кругъ и образовать такой порядокъ своихъ отношеній къ другимъ органамъ власти, который нисколько не напоминаетъ намъ о формальныхъ ограниченіяхъ государя.

По недостатку прямыхъ указаній на то, какъ были размежеваны

---

[1]) Д. Р., 1162 и 1164, 1173, 1185.

[2]) Д. Р., 17, 1083 (срвн. текстъ съ примѣчаніемъ 1).

правительственныя функціи между временнымъ правительствомъ въ Москвѣ и государемъ, только что принявшимъ власть, намъ приходится довольствоваться намеками отдѣльныхъ грамотъ. Всѣ эти намеки говорятъ въ пользу того предположенія, что царь Михаилъ чувствовалъ себя лично совершенно независимымъ отъ боярства и отъ собора. Онъ иногда принималъ по отношенію къ нимъ даже гнѣвный тонъ. Изъ Ярославля, напримѣръ, онъ выговаривалъ собору, по поводу нѣкоторыхъ безпорядковъ, и напоминалъ съ достаточною жестокостью, что онъ не напрашивался на престолъ: „учинились есмя..... царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали есте своею волею“. Безпорядки не прекращались,—и отъ Троицы царь послалъ въ Москву рѣзкую грамоту, отказываясь даже идти въ Москву: „конечно и вседушно скорбимъ и за тѣмъ къ Москвѣ идти не хотимъ“ [1]). Эта угроза отказаться отъ власти и ссылка на крестное цѣлованье по записи, въ которой, какъ извѣстно, московскіе люди обязывали себя къ безусловному повиновенію, мало вяжутся съ представленіемъ о государѣ, связанномъ формальными условіями. Еще болѣе рѣзкій тонъ, чѣмъ въ грамотахъ къ собору, проскальзываетъ въ грамотѣ къ боярамъ по поводу приготовленія въ Москвѣ царскаго жилища. Бояре не имѣли возможности приготовить къ государеву пріѣзду тѣ покои, какіе желалъ государь, и извѣстили его объ этомъ. Государь же рѣшительно потребовалъ повиновенія „по прежнему и по сему нашему указу“. И необходимы были личныя представленія бояръ (кн. И. М. Воротынскаго), чтобы уладить дѣло [2]). Иногда со стороны государя видимъ молчаливый отказъ удовлетворить ходатайство бояръ, казалось бы, правильное и законное. Бояре просятъ государя прислать отъ себя въ Москву служилыхъ людей, годныхъ на отвѣтственныя порученія, потому что такихъ въ Москвѣ нѣтъ, всѣ съ государемъ: „и тебѣ бы, государю царю, смиловаться, прислать къ Москвѣ изъ стольниковъ, изъ дворянъ“. На это государь отвѣчаетъ приказаніемъ выбрать и послать на дѣло пригодныхъ людей и къ этому прибавляетъ: „а дворяне и столники и стряпчіе съ нами всѣ... и мы къ вамъ послали именной списокъ“—и только. Отъ себя государь не посылаетъ никого, и бояре принимаютъ этотъ отказъ безпрекословно [3]). Вообще,

---

[1]) Д. Р., 1100, 1173, 1164.
[2]) Д. Р., 1141—1142, 1151—1154, 1179, 1189.
[3]) Д. Р., 1131 (срвн. 1141—1144), 1156.

со стороны бояръ и собора мы не можемъ ни разу услѣдить и малѣйшаго намека на право соправительства съ новымъ монархомъ. Они являются лишь исполнителями его велѣній и его вѣрными подданными, „богомольцами“ и „холопями“. Наблюдаются, правда, такіе случаи, когда „Ѳеодорецъ Мстиславской съ товарищи“ по вѣстямъ, то есть вслѣдствіе экстренныхъ извѣстій военнаго характера, дѣлали распоряженія и назначенія именемъ государя; но это вызывалось исключительными обстоятельствами той политической минуты и вовсе не было осуществленіемъ политическаго права. Такъ 11-го апрѣля бояре „отпустили“ къ Рыльску воеводу князя Данила Долгорукова и сформировали ему отрядъ своею властью; на другой день они „приговорили послать на воровъ на Заруцкаго и на черкасъ воеводу князя Ивана Одоевскаго“. По вѣстямъ писали бояре приказанія и въ города, призывая мѣстныхъ воеводъ идти „въ сходъ“ съ посланными изъ Москвы и указывая имъ высылать на службу мѣстныхъ дворянъ [1]). По всѣ свои распоряженія бояре дѣлали именемъ государя и доносили ему о принятыхъ мѣрахъ немедля, иногда такъ и выражаясь, что „отъ тебя, государя, грамоты писали“, „писали отъ тебя, государя,.... съ твоимъ государевымъ жалованнымъ словомъ“ [2]). По спѣшности и важности дѣла бояре просили иногда государя подтвердить ихъ распоряженіе вторичною грамотою прямо отъ него: „государю пожаловать бы, велѣть отъ себя, государя, писать“; государь это повидимому и дѣлалъ [3]). Однако подобную самостоятельность бояръ мы наблюдаемъ только въ военныхъ, по существу дѣла экстренныхъ, распоряженіяхъ. Рѣшаясь отправлять по своему выбору полковыхъ воеводъ, они не рѣшались назначать воеводъ городовыхъ и писали въ началѣ апрѣля государю: „мы, холопи твои, въ городы учали были воеводъ и (людей) для сбору кормовъ отпускать, и воеводы приходятъ къ намъ..., а сказываютъ, что де во всѣ городы воеводы.... отпускаютъ отъ тебя, государя; и мы, холопи твои, въ городы воеводъ и для казачьихъ кормовъ сборщиковъ посылать безъ твоего государева указу не смѣемъ“ [4]). На это государь отвѣчалъ указаніемъ, куда именно имъ отпущены были городовые и полковые воеводы, и разрѣшалъ боярамъ впредь отпускать воеводъ и въ го-

---

[1]) Д. Р., 1106, 1110—1116, 1102—1104, 1112, 1118.
[2]) Д. Р., 1112, 1146, 1138.
[3]) Д. Р., 1126, 1130, 1151.
[4]) Д. Р., 1105—1106, 1108.

рода „по своему приговору“, разъ бояре узнаютъ, что въ тѣхъ городахъ „безъ воеводъ быть не мочно“ [1]). Не всегда однако государь одобрялъ и утверждалъ принятыя въ Москвѣ мѣры. Такъ онъ запретилъ собору и боярамъ отбирать земли у тѣхъ служилыхъ людей, которые находились при немъ въ его походѣ, и вообще не одобрялъ московскихъ распоряженій о помѣстныхъ земляхъ; онъ писалъ собору: „многіе дворяне и дѣти боярскіе бьютъ намъ челомъ о помѣстьяхъ, что вы у нихъ помѣстья отнимаете и отдаете въ раздачу безъ сыску; и вамъ бы тѣ докуки отъ насъ отвести;... мы у тѣхъ помѣстій и вотчинъ до нашего указу отымать не велѣли“ [2]). Не только конфискацію, но и пожалованіе земель государь, какъ кажется, усвоилъ исключительно своей личной власти. Мы знаемъ примѣръ, когда сеунщику П. Кобякову за сеунчъ бояре дали только деньги, а государь пожаловалъ его придачею къ помѣстному окладу и пустилъ „въ честь“. Въ сохранившемся отъ первой половины 1613 года любопытномъ „земляномъ спискѣ“ всѣ земельныя пожалованія сдѣланы повидимому самимъ государемъ [3]). Таково общее впечатлѣніе, получаемое при знакомствѣ со спискомъ; если бы оно и не оправдалось, то безспорнымъ останется тотъ фактъ, что государь не былъ никѣмъ стѣсненъ въ правѣ земельныхъ пожалованій и свободно пользовался имъ въ первые три мѣсяца своего царствованія.

Кажется, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что приведенныя данныя не свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ бы то ни было стѣсненій для личной власти новаго государя въ первое время его дѣятельности; напротивъ, знакомство съ его дѣловою перепискою ведетъ къ мысли, что царю земскій соборъ вручилъ власть безъ всякихъ ограничивающихъ ее условій. Сейчасъ увидимъ, что и въ подборѣ ближайшихъ сотрудниковъ царь повидимому слѣдовалъ только своему личному вкусу и семейнымъ симпатіямъ и связямъ.

---

[1]) Д. Р., 1124, 1130, 1139—1140.

[2]) Д. Р., 1100.

[3]) Д. Р., 1104 и 1119.—*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1895, кн. I: „Докладная выписка 121 (1613 г.) о вотчинахъ и помѣстьяхъ“. Этотъ документъ слѣдуетъ относить ко времени до 11-го іюля 1613 года: въ немъ кн. И. Б. Черкаскій и кн. Д. М. Пожарскій показаны въ томъ чину, въ которомъ они состояли до 11-го іюля, дня ихъ пожалованія въ бояре.—Даже въ безгосударное время санкція государя,— „какъ Богъ дастъ на Московское государство государя царя и великаго князя“,— считалась необходимою для земельныхъ пожалованій, сдѣланныхъ земскимъ соборомъ (*И. Е. Забѣлинъ*, Мининъ и Пожарскій, изд. 3-е, М. 1896, стр. 282).

Въ моментъ царскаго избранія подъ верховенствомъ земскаго собора и начальствомъ Трубецкого и Пожарскаго дѣйствовала въ Москвѣ обычная центральная администрація, „приказы“ и „чети“. Врядъ ли есть возможность возстановить во всѣхъ подробностяхъ ея составъ. Но можно видѣть, что въ ней соединились остатки стараго московскаго приказнаго штата, уцѣлѣвшаго отъ бѣдствій осады, съ тѣми приказными людьми, которые пришли подъ Москву въ разныхъ ополченіяхъ и въ пору московской осады сидѣли во временныхъ „приказахъ“, устроенныхъ въ осадномъ лагерѣ. Изъ первыхъ можно указать, напримѣръ, дьяка Ефима Телепнева, сидѣвшаго на Денежномъ дворѣ еще до московской осады и оставленнаго тамъ при боярахъ и при царѣ Михаилѣ [1]). Таковъ же думный дьякъ Алексѣй Шапиловъ: уже въ 1607 году мы его видимъ дьякомъ въ Казанскомъ дворцѣ, гдѣ онъ остается всѣ смутные годы, несмотря даже на то, что поляки считали его неблагонадежнымъ. Въ пору воцаренія Михаила Ѳедоровича Шапиловъ вѣдаетъ Казанскій дворецъ и Сибирскій приказъ и продолжаетъ стоять во главѣ этого вѣдомства и при новомъ государѣ [2]). Среди тѣхъ, кто вошелъ въ составъ московской администраціи конца 1612 и начала 1613 гг. изъ походныхъ и осадныхъ канцелярій, самое видное мѣсто принадлежитъ думному дьяку Петру Третьякову. Прямой „тушинецъ“, Третьяковъ пріѣхалъ въ Тушино „первымъ подъячимъ“ Посольскаго приказа лѣтомъ 1608 года и уѣхалъ отъ вора изъ Калуги только къ осени 1610 года уже дьякомъ, а черезъ годъ былъ вторымъ думнымъ дьякомъ въ Помѣстномъ приказѣ подъ Москвою въ таборахъ тушинскихъ бояръ кн. Трубецкого и Заруцкаго. Въ моментъ избранія царя Михаила онъ вѣдалъ, кажется, Посольскій приказъ и при царѣ Михаилѣ остался посольскимъ дьякомъ до самой своей смерти въ 1618 году [3]). Черезъ тѣ же казачьи таборы Трубецкого и Заруцкаго прошелъ и думный дьякъ Сыдавный

---

[1]) Русск. Ист. Библ., II, ст. 242, 391, 393. — Акты Зап. Россіи, IV, стр. 496 (срвн. Кн. Разр., I, ст. 89): слова гетмана Гонсѣвскаго о томъ, что Е. Телепневъ при немъ, „на денежномъ дворѣ будучи“, за приставомъ сидѣлъ по обвиненію въ утайкѣ казны. — Р. Ист. Библ., IX, стр. 16, 17, 236 (срвн. *Забѣлинъ*, „Мининъ и Пожарскій“, изд. 3-е, стр. 293, 294, 297). — Еще въ 1624 году Еф. Г. Телепневъ оставался „на денежномъ дворѣ и у книжново у печатново дѣла“ (Кн. Разр., I, ст. 1037).—Сборникъ кн. Хилкова, № 65.

[2]) А. И. II, стр. 44 и №№ 64, 82, 310; III, № 7.—А. Э. II, № 75.—Русск. Ист. Библ., т. IX, стр. 20 и слѣд.

[3]) О П. Третьяковѣ см. мои „Очерки по исторіи смуты“ (по указателю); также А. Э. II, №№ 165 и 192; А. И. II, № 120 и Сборникъ кн. Хилкова, стр. 72—73.

Васильевъ (иначе Зиновьевъ), отправленный въ великомъ посольствѣ къ Сигизмунду изъ Москвы и уѣхавшій отъ великихъ пословъ. Во временномъ правительствѣ 1612 — 1613 гг. онъ былъ разряднымъ дьякомъ [1]). Иною дорогою явился въ Москву къ концу 1612 года дьякъ Иванъ Болотниковъ. Изъ городскихъ ярославскихъ дьяковъ онъ попалъ въ ополченіе Пожарскаго; съ нимъ пришелъ онъ подъ Москву и тамъ вошелъ въ составъ центральнаго управленія, а послѣ избранія въ цари М. Ѳ. Романова былъ отправленъ къ нему въ послахъ отъ земскаго собора и при новомъ государѣ сталъ дьякомъ Большого дворца [2]). Въ нѣкоторыхъ приказахъ временное правительство 1612—1613 гг. свело вмѣстѣ дьяковъ, служившихъ ранѣе различнымъ и даже взаимно враждебнымъ властямъ. Такъ въ Помѣстномъ приказѣ сидѣли думный дьякъ Ѳ. Д. Шушеринъ и дьякъ Герасимъ Мартемьяновъ. Изъ нихъ первый былъ тушинецъ, отъ Тушинскаго вора выбѣжалъ въ Москву послѣ паденія Шуйскаго, въ августѣ 1610 года, и въ слѣдующемъ 1611 году оказался помѣстнымъ дьякомъ въ таборахъ Трубецкого и Заруцкаго, гдѣ и оставался до взятія Москвы [3]). Герасимъ Мартемьяновъ былъ совершенно чуждъ Тушину: онъ служилъ Шуйскому, потомъ былъ у Ляпунова, послѣ его смерти, оставшись нѣкоторое время въ подмосковныхъ таборахъ, перешелъ въ ополченіе Пожарскаго и съ Пожарскимъ пришелъ къ Москвѣ. У Пожарскаго онъ вѣдалъ помѣстныя дѣла, какъ Шушеринъ вѣдалъ ихъ у Трубецкого [4]). Когда приказы обоихъ воеводъ осенью 1612 года были соединены,—во вновь образованномъ Помѣстномъ приказѣ сѣли вмѣстѣ оба дьяка, причемъ Шушеринъ, какъ „думный“, получилъ первенство. Такъ остались они сидѣть и при царѣ Михаилѣ. На Земскомъ дворѣ уцѣлѣлъ даже одинъ изъ ставленниковъ Сигизмунда

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 318, 392; *И. Е. Забѣлинъ*, Мининъ и Пожарскій, изд. 3, стр. 291 — 292.

[2]) *И. Е. Забѣлинъ*, тамъ же, стр. 286, 302; А. Э, II, № 203 (подписи); Дв. Разряды, I, 17 и 1140.

[3]) О Шушеринѣ—А. Э. II, № 192; А. И. II, стр. 352; Акты г. Юшкова (*Чтенія*, 1898, III, №№ 305, 307, 309); А. Э. II, № 207; А. И. III, №№ 41 и 67.

[4]) О Мартемьяновѣ — Акты г. Юшкова, №№ 287, 289, 299, 300, 302, 308, 312; А. Э. II, № 192. Интересно сопоставить у г. Юшкова грамоты отъ 22-го и 26-го іюля 1612 г. (№№ 308 и 309): одна дана Пожарскимъ за припискою Мартемьянова, другая — Трубецкимъ за припискою Шушерина. Въ это время воеводы еще не соединились. Позднѣе при царѣ Михаилѣ на одной и той же грамотѣ видимъ приписъ Шушерина, а „помѣту Гарасимову“ (т. е. Мартемьянова); срвн. А. И. III, №№ 41 и 66 (стр. 61).

дьякъ Аѳанасій Царевскій. Опредѣленный на Земскій дворъ при польскомъ режимѣ, онъ былъ оставленъ тамъ по освобожденіи Москвы боярами и продолжалъ тамъ служить въ первое время царствованія Михаила Ѳедоровича, пока не былъ посланъ на ратную службу подъ Смоленскъ [1]). Приведенные примѣры съ полною ясностью показываютъ намъ, что въ Москвѣ, освобожденной отъ народнаго врага, временная правительственная власть не разбирала политическаго прошлаго тѣхъ лицъ, съ которыми ей приходилось работать, и довольствовалась лишь убѣжденіемъ, что эти лица въ данное время надежны и годны. Какъ само временное правительство составилось изъ лицъ различныхъ политическихъ симпатій, служившихъ когда-то взаимно враждовавшимъ господамъ, такъ и орудія этого правительства отличались большою политическою пестротою. Нѣтъ сомнѣнія, что такая пестрота была очень удобна для новаго государя и развязывала ему руки въ дѣлѣ предстоявшаго ему правительственнаго подбора, избавляя его отъ возможности борьбы съ однороднымъ и односторонним, неудобнымъ или непріятнымъ для него административнымъ составомъ.

Новый государь оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору „нареченія“ новаго монарха. Любопытно, что даже дѣлопроизводство о такъ называемыхъ „измѣнникахъ“, то есть предавшихся Сигизмунду московскихъ людяхъ, старались какъ будто не связывать съ именемъ новаго царя и доносили ему, напримѣръ, что извѣстнаго Андронова „вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ и черные люди объ немъ приговорятъ“ [2]): новый царь не долженъ былъ выступать съ своей санкціей въ мрачныхъ дѣлахъ смутнаго прошлаго. Но принимая отъ собора власть и съ нею извѣстный составъ правительственныхъ лицъ, государь немедля ввелъ въ него своихъ близкихъ людей. Изъ переписки Михаила Ѳедоровича съ земскимъ соборомъ и московскими боярами видно, что уже въ началѣ апрѣля въ государевѣ походѣ у государя былъ образованъ приказъ Большого дворца. Въ немъ были посажены Борисъ Михайловичъ Салтыковъ и дьяки Иванъ Болотниковъ и Богданъ Тимоѳеевъ. Изъ нихъ И. И. Болотниковъ извѣстенъ уже намъ, какъ членъ земскаго посольства и дѣятель Ярославскаго ополченія, вѣроятно, вѣдавшій

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 403; А. И. II, № 314, примѣчаніе. — *А. П. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, т. II, facsimile грамотъ на стр. 300 и 350. — Дворц. Разр. I, 104, 102; А. И. III, № 4.

[2]) *Соловьевъ*, II, 1293 — 1294.

дворцовыя дѣла и во время боярскаго правительства въ Москвѣ. Салтыковъ же былъ лицомъ, что называется, своимъ у царя Михаила по родству съ его матерью и по житейской близости: два брата Борисъ и Михаилъ Салтыковы „съ нимъ, государемъ, жили въ Ипатскомъ монастырѣ“, когда земское посольство туда явилось. Подъ руководствомъ государева пріятеля старшаго Салтыкова „дворецъ“ принялъ въ свое завѣдываніе дворцовыя и монастырскія села и земли и сталъ собирать съ нихъ „кормъ“ на государя и его свиту и казаковъ [1]). Въ то же время младшій Салтыковъ, Михаилъ Михайловичъ, получилъ званіе кравчаго. Обозначились одновременно и другіе „ближніе“ люди: въ концѣ апрѣля 1613 года на стану въ селѣ Любиловѣ смотръ служилымъ людямъ производили князь Аф. Вас. Лобановъ-Ростовскій и Константинъ Ивановичъ Михалковъ [2]). Оба они, несомнѣнно, принадлежали къ довѣреннымъ лицамъ новой царской семьи. Первый изъ нихъ получилъ званіе чашника, крупную помѣстную дачу и былъ назначенъ въ завѣдующіе Стрѣлецкимъ приказомъ [3]). Второй сдѣланъ постельничимъ и „намѣстникомъ трети московскія“, получалъ многіе знаки царской ласки, до прощенія казеннаго долга, а родъ его былъ офиціально признанъ не „обычнымъ“: бояре въ своемъ приговорѣ по одному мѣстническому дѣлу установили, что „Михалковы и у прежнихъ государей бывали ближніе люди“ [4]). Немногимъ позднѣе названныхъ явился и еще одинъ довѣренный человѣкъ — Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ, пожалованный 13-го іюля 1613 года въ казначеи. Трудно прослѣдить за тѣмъ, какія именно соображенія и житейскія связи повліяли на приближеніе къ молодому царю столь „обычныхъ“ лицъ, каковы въ сущности были Михалковъ да Траханіотовъ. Врядъ ли могли они причитать себя въ близкое родство съ новою династіей; скорѣе это были ея довѣренные агенты, введенные въ ряды ранѣе сформированной администраціи въ качествѣ такихъ лицъ, на которыхъ новый государь могъ вполнѣ положиться.

---

[1]) Дв. Разр. I, ст. 1140; также 104, 1105, 1108, 1113. — „Изборникъ“ *А. Н. Попова*, стр. 357. — Жалованную грамоту, данную изъ этого „дворца“, см. въ *Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др.*, 1896, III, смѣсь, стр. 10 — 11.

[2]) О М. М. Салтыковѣ — *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1895, кн. I, „Докладная выписка“, стр. 3; Дв. Разр. I. ст. 99 — 100. — О Лобановѣ-Ростовскомъ и Михалковѣ Дв. Разр. I, 1147. Лобанову было скоро сказано боярство: Др. Р. Вивл. XX, стр. 90.

[3]) Дв. Разр. I, 104. *Чтенія*, 1895, I, стр. 4.

[4]) Дв. Разр. I, 132, 135; Русск. Ист. Библ., IX, стр. 3, 5 и далѣе.

Рядомъ съ довѣренными дѣльцами Михаилъ Ѳедоровичъ выдвигалъ понемногу и свою родню вообще. Не говоря уже о царскомъ дядѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ, замѣтны становятся многія лица Романовскаго круга, ранѣе затертыя въ водоворотѣ „смутныхъ лѣтъ и московскаго разоренья“. Большее значеніе, чѣмъ прежде, получаютъ теперь бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Б. М. Лыковъ-Оболенскій. Первому изъ нихъ преданіе усвояетъ очень видную роль въ дѣлѣ избранія Михаила Ѳедоровича, какъ родственнику Романовыхъ, представлявшему ихъ на земскомъ соборѣ. Дѣйствительно, сверхъ общаго происхожденія отъ Ѳедора Кошки, Ѳ. И. Шереметевъ былъ близокъ Романовымъ еще и потому, что былъ женатъ на внучкѣ Никиты Романовича (Иринѣ Борисовнѣ Черкаской), двоюродной сестрѣ царя Михаила Ѳедоровича. Въ смутные годы Ѳ. И. Шереметевъ неизмѣнно тяготѣлъ къ Романовымъ и въ 1613 году былъ первымъ посломъ отъ собора къ избранному въ цари его сородичу. Князь Б. М. Лыковъ былъ женатъ на дочери Никиты Романовича (Анастасіи), родной теткѣ царя Михаила, и Романовымъ былъ несомнѣнно свой. И онъ и Шереметевъ сдѣлали свою служебную карьеру ранѣе воцаренія Романовыхъ: оба получили боярство при Розстригѣ, благоволившемъ, какъ извѣстно, Романовскому кругу; оба служили Шуйскому и думою и мечемъ; оба были въ „семибоярщинѣ“ и оба сидѣли въ московской осадѣ. Новый государь приблизилъ ихъ къ себѣ, и въ его думѣ оба они стали одними изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ сановниковъ. Приближенъ былъ и тотъ „племянникъ“ Романовыхъ, который во время ихъ опалы при царѣ Борисѣ былъ съ ними вмѣстѣ судимъ, — князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, сынъ Маѳы Никитишны, двоюродный братъ царя Михаила и шуринъ Ѳ. И. Шереметева. Онъ былъ первый, кого новый государь пожаловалъ изъ стольниковъ въ бояре: въ день вѣнчанія Михаила на царство, 11-го іюля 1613 года, было сказано боярство по мѣстническому старшинству сначала стольнику князю П. Б. Черкаскому, затѣмъ стольнику князю Д. М. Пожарскому. Въ первые дни царствованія въ царской близости видимъ и стольника князя Пв. Ѳ. Троекурова, сына Анны Никитишны Романовой, двоюроднаго же брата государева: на пиру 11-го іюля онъ „вина наряжалъ“ вмѣстѣ съ другими „ближними“ людьми; но боярство ему было сказано только въ 1620 году, такъ какъ „отечествомъ“ Троекуровы не были велики. Близко къ государю сталъ и его шуринъ князь П. М. Катыревъ-Ростовскій, за которымъ была замужемъ рано умершая сестра царя Татьяна Ѳедоровна Романова.

Вызванный подъ Москву боярскимъ правительствомъ 1612 года изъ Тобольска, куда онъ былъ сосланъ Шуйскимъ на воеводство, Катыревъ поспѣлъ въ столицу къ царскому избранію и съ начала новаго царствованія сталъ близко ко дворцу, хотя почему-то и не былъ въ боярахъ [1]).

Если припомнимъ, что за этими наиболѣе замѣтными „зятьями“, „племянниками“ и „шурьями“ Романовской семьи потянулись во дворецъ ихъ менѣе замѣтные родственники изъ князей Черкаскихъ, князей Сицкихъ, Головиныхъ, Салтыковыхъ, Морозовыхъ и другихъ,— то мы поймемъ, что расположеніе новаго государя быстро наполнило дворецъ новою придворною знатью. Эта новая среда ничѣмъ не была стѣснена и ограничена въ своей дворцовой и государственной карьерѣ и, соединясь съ приказною средою довѣренныхъ дѣльцовъ, скоро составила въ Москвѣ многолюдный правящій кругъ, общія свойства котораго намъ, можетъ быть, удастся до извѣстной степени опредѣлить. Ко времени пріѣзда въ Москву Филарета Никитича этотъ кругъ не только вполнѣ сформировался, но уже требовалъ нѣкотораго обузданія, потому что проявилъ признаки самоуправства и распущенности. Извѣстный голландецъ Масса очень дурно аттестуетъ московскую правящую среду въ своихъ письмахъ 1616—1618 гг. По его словамъ, въ Москвѣ правленіе было столь худо, что, „если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлиться не можетъ“; высшіе чиновники чрезвычайно корыстолюбивы и лицепріятны, а государь попускаетъ имъ, надѣясь лишь на возвращеніе изъ плѣна своего отца, который „одинъ былъ бы въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское“ [2]). Справедливость отзыва Массы можно подвердить, напримѣръ, обстоятельствами весьма извѣстнаго дѣла Хлоповой и тѣми мѣропріятіями, которыя провелъ черезъ земскій соборъ Филаретъ въ первые же дни по своемъ возвращеніи въ Москву.

Въ результатѣ нашихъ справокъ о составѣ правительственнаго круга при новомъ государѣ, выяснилось, что лица этого круга врядъ ли имѣли интересъ и возможность добиваться, черезъ боярскую думу или непосредственно, ограниченія царской власти. Поставленныя у

---

[1]) О перечисленныхъ лицахъ см. *А. П. Барсукова* „Родъ Шереметевыхъ“, т. II; „Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя М. Ѳ. Романова“, ч. I, стр. 293 и слѣд.; ч. II, стр. 66 и слѣд.; „Др. Росс. Вивл.“, XX, ст. 76, 78, 91 и др.; Дв. Разр. I, стр. 96, 99—100; также мои „Очерки по исторіи смуты“ (о лицахъ по указателю).

[2]) *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 798, 808.

власти личнымъ довѣріемъ царя, связанныя часто родствомъ съ новою династіею, не имѣвшія между собою иныхъ связей, кромѣ родства или службы, эти лица помимо династіи не имѣли ни особой силы, ни широкаго авторитета для того, чтобы тянуться къ власти черезъ формальное ограниченіе ея высшаго носителя. Они пользовались и даже злоупотребляли тѣмъ вліяніемъ, которое имъ давала близость къ царю, но, разумѣется, они понимали, на чемъ основано ихъ вліяніе, и не могли колебать его основанія.

Но передъ нами можетъ стать еще одинъ вопросъ. Если ни въ боярской думѣ, ни въ придворной средѣ, ни въ высшемъ административномъ штатѣ мы не можемъ открыть слѣды такой организаціи, которой можно было бы приписать ограниченіе царя Михаила,—то не былъ ли такою организаціею земскій соборъ въ его полномъ составѣ, не тотъ соборъ, который избралъ Михаила, думаемъ, безъ всякаго „письма“, а тотъ, который правилъ страною совмѣстно съ царемъ въ первые годы царствованія?

Въ дѣятельности постояннаго земскаго собора за первое десятилѣтіе царствованія М. Ѳ. Романова были такія черты, которыя далеко выводили соборы за предѣлы чисто совѣщательныхъ функцій. Соборъ выступалъ рядомъ съ государемъ, какъ верховный національно-политическій авторитетъ въ дѣлахъ особой важности. На него ссылались даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, говоря (Дж. Мерику), что отвѣтъ по дѣлу „безъ совѣту всего государства“ дать нельзя. Въ отношеніяхъ внутреннихъ соборъ являлся иногда рядомъ съ государемъ, заслоняя собою обычные правительственные органы. Казакамъ на Волгу посылались грамоты непосредственно отъ собора вмѣстѣ съ царскими. Ворамъ казакамъ въ 1614 году послано было увѣщаніе отъ собора съ особымъ соборнымъ посольствомъ, въ составъ котораго вошли духовныя и свѣтскія лица. Такіе же послы отъ собора, „околничіе и дворяне большіе, а съ ними изо властей архимариты и игумены и изъ приказовъ дьяки“, собирали по городамъ въ 1614 же году экстренные денежные сборы [1]). Населеніе видѣло надъ собою не одного царя съ его приказными людьми, но и соборъ съ его выборными послами. Соправительство собора съ государемъ было для всѣхъ явно; но оно не было результатомъ формальнаго ограниченія власти государя, а было только слѣдствіемъ единства стремленій центральнаго

---

[1]) *Соловьевъ*, II, 1128.—А. Э. III, №№ 26, 31, 32, 44.—Русск. Ист. Библ., т. XVIII, ст. 147 и слѣд.—Книги Разр. I, ст. 4 и слѣд.

правительства и создавшаго его представительнаго собранія. И царь, и соборъ были представителями одной и той же соціальной среды, овладѣвшей положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и стремившейся создать свой порядокъ. Обѣ силы дѣйствовали согласно, ибо имѣли одно и то же пропсхожденіе и одинаковыя цѣли, и потому заботились не объ опредѣленіи своихъ правъ, а объ обезпеченіи взаимной помощи. И ни одинъ изъ изслѣдователей исторіи земскихъ соборовъ не рискуетъ утверждать, что въ данное время соборамъ принадлежали ограничительныя полномочія. Даже тѣ историки, которые вѣрятъ въ существованіе „письма“, даннаго на себя Михаиломъ, не утверждаютъ, что это письмо было взято соборомъ [1]). Въ виду такой опредѣленности дѣла намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на вопросѣ о возможности ограниченія земскимъ соборомъ власти царя Михаила Ѳедоровича. На этотъ вопросъ надлежитъ отвѣчать отрицательно.

Итакъ всѣ наши соображенія и наблюденія приводятъ къ тому выводу, что власть царя Михаила Ѳедоровича ни въ моментъ его избранія, ни въ ближайшее за нимъ время не была подвергнута никакому ограниченію и выражалась совершенно свободно какъ въ распоряженіяхъ, шедшихъ отъ имени самого государя, такъ и въ подборѣ лицъ, которыхъ государь назначалъ на должности во дворцѣ и въ приказахъ. Этотъ подборъ привелъ къ тому, что въ одинъ правительственный кругъ были сведены дѣятели временнаго правительства 1612—1613 гг. и люди Романовскаго круга, близкіе къ государю по родству и свойству или же удостоенные его довѣріемъ по старымъ житейскимъ связямъ. Дѣятельность новаго чиновничества не стѣсняла государя въ его власти и сама не была, повидимому, ничѣмъ стѣсняема, такъ что весьма скоро заслужила упреки въ испорченности и продажности. Не только терпѣвшіе отъ произвола администраціи, но, надо думать, и самъ государь съ надеждою ожидали пріѣзда государева отца изъ Польши, видя въ Филаретѣ возможнаго избавителя отъ приказныхъ и придворныхъ злоупотребленій.

---

[1]) *Н. П. Загоскинъ*, „Исторія права Моск. государства“, I, стр. 246–247: „предполагать, будто земскіе соборы стояли у престола царя Михаила съ ограничивающимъ власть его значеніемъ, предполагать, будто политическое значеніе земскихъ представителей было условіемъ самаго избранія царя, — значитъ не понимать значенія избранія Михаила Ѳедоровича и не имѣть близкаго знакомства съ источниками, относящимися къ этой эпохѣ“.—*В. И. Сергѣевичъ*, „Русск. юрид. древности“, т. II, изд. 2, стр. 374—375: „въ какой мѣрѣ былъ ограниченъ Михаилъ Ѳедоровичъ и кѣмъ,—остается совершенно неизвѣстнымъ“.

IV.

Говоря о прибытіи Филарета изъ плѣна въ Москву, Масса замѣчаетъ: „во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнены штаты и смѣнены служащіе, но все къ лучшему; все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все заранѣе уже было назначено и опредѣлено“ [1]). Къ этому извѣстію Массы надобно отнестись съ осторожностью. Дѣйствительно около того времени, когда вернулся Филаретъ, въ Москвѣ произошли нѣкоторыя перемѣны: пріѣхавшій съ Филаретомъ думный дьякъ Томило Луговскій былъ сдѣланъ разряднымъ дьякомъ на мѣсто дьяка Сыдавнаго Васильева, переведеннаго въ Казанскій дворецъ. Въ Казанскомъ дворцѣ съ начала 1618 года видимъ князя А. Ю. Сицкаго и дьяка Ѳед. Апраксина вмѣсто бывшаго тамъ ранѣе думнаго дьяка Алексѣя Шапилова [2]). Сыдавный Васильевъ, уступивъ свое мѣсто въ Разрядѣ Т. Луговскому, никого не вытѣснилъ въ Казанскомъ дворцѣ, а только усилилъ собою штатъ послѣдняго. Въ томъ же 1618 году въ Помѣстномъ приказѣ вмѣсто бывшаго тамъ Ѳедора Шушерина появляется думный дьякъ Николай Новокщеновъ [3]). Весною 1618 же года заболѣлъ, а лѣтомъ умеръ посольскій дьякъ Петръ Третьяковъ, котораго Масса называлъ „великимъ канцлеромъ“ и считалъ, по силѣ его вліянія на дѣла, „большою страусовою птицей“. Съ апрѣля 1618 года вмѣсто Третьякова у посольскаго дѣла становится думный дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Курбатовъ-Грамотинъ, не меньшая „птица“, чѣмъ Третьяковъ. По отзыву Массы, Грамотинъ, „бывшій посломъ при римскомъ императорѣ, похожъ на нѣмецкаго уроженца, уменъ и разсудителенъ во всемъ и многому научился въ плѣну у поляковъ и пруссаковъ“ [4]). Указанныя перемѣны въ высшемъ

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 812.

[2]) Кн. Разр. I, 931 (672—673, 726); Русск. Ист. Библ. II, ст. 1067—1069; А. И., III, № 78.—Въ 1616 году въ Казанскомъ дворцѣ упоминается Петръ Третьяковъ: Р. Ист. Библ., II, ст. 1058.

[3]) „Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи“, VI, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 30, 39, 42, 48, 58 и др. Въ 1617 году Н. Новокщеновъ еще былъ въ Новгородѣ (Книги Разр. I, ст. 388).

[4]) Дворц. Разр. I, ст. 314 и 321; *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 803 и 811. *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки XVI в.“, по указателю (подъ словами „Грамотинъ“ и „Курбатовъ“). Въ чинѣ подьячаго Иванъ Курбатовъ былъ въ посольствахъ къ цезарю Вильяминова и Власьева (въ 1595 г.) и Власьева (въ 1599 г.); см. Пам. Дипл. Спош., II, по Указателю (подъ словомъ „Курбатовъ“).

административномъ штатѣ могли казаться очень существенными, но онѣ были случайны и совершились почти всѣ до пріѣзда Филарета. Связавъ ихъ почему-то съ пріѣздомъ государева отца, Масса почелъ нужнымъ оговориться, что, хотя „все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все заранѣе уже было назначено и опредѣлено“.

Вопреки показанію Массы, можно утверждать, что Филаретъ думалъ бороться съ административнымъ неустройствомъ, какое засталъ въ Москвѣ, не перемѣною штатовъ и лицъ, а общими мѣропріятіями. Кругъ приближенныхъ и довѣренныхъ людей во дворцѣ при немъ остался въ прежнемъ составѣ, намъ уже извѣстномъ. Во время Филарета замѣтнѣе становятся нѣкоторые князья Сицкіе, князь А. М. Львовъ, князь Б. А. Репнинъ—изъ той же дворцовой знати, какая сложилась при новой династіи. Опала постигаетъ при Филаретѣ Салтыковыхъ и нѣкоторыхъ изъ думныхъ дьяковъ. Но одни возвышаются, а другіе падаютъ, нисколько не мѣняя общаго состава правящей среды; смѣна лицъ совершается постепенно и не тотчасъ послѣ того, какъ Филаретъ принялъ власть. Салтыковы пали въ октябрѣ 1623 года, Грамотинъ въ декабрѣ 1626 года, Т. Луговскій былъ посланъ въ Казань въ 1628 году; когда именно лишились милостей Ѳ. Лихачевъ и Е. Телепневъ, точно сказать не беремся. Всѣ они были возвращены въ Москву тотчасъ послѣ смерти Филарета въ концѣ 1633 и началѣ 1634 года — знакъ, что опала шла именно отъ „владительнаго“ патріарха [1]). Но владительный патріархъ, не стѣсняясь въ изъявленіи своего гнѣва даже на свою высокопоставленную родню, въ родѣ братьевъ Салтыковыхъ, повидимому, никогда не считалъ необходимою общую чистку приказнаго состава, о которой говоритъ Масса. При немъ серьезныхъ опалъ вообще было очень немного, а въ первые дни своего пребыванія въ Москвѣ онъ думалъ рѣшительно не о смѣнѣ лицъ, а о перемѣнѣ общаго режима. Тотчасъ по своемъ поставленіи въ патріархи онъ указалъ государю на главныя неустройства московской жизни и вмѣстѣ съ сыномъ спрашивалъ земскій соборъ: „какъ бы то исправить и земля устроити“? Въ результатѣ общаго совѣта была цѣлая система мѣръ, которая, какъ извѣстно, преслѣдовала двѣ

---

[1]) О Салтыковыхъ С. Г. Г. и Д. III, № 64; о Грамотинѣ Р. Ист. Библ. т. IX. стр. 438, 440; о Луговскомъ Кн. Разр., II, ст. 84. О всѣхъ вообще опальныхъ дьякахъ Дворц. Разр. II, ст. 862 и 867, и Кн. Разр. II, ст. 150. О возвращеніи опальныхъ Р. Ист. Библ. IX, стр. 529, 545, 551.

цѣли: во-первыхъ, поднять платежныя и служебныя силы населенія и, во-вторыхъ, упорядочить администрацію. Для достиженія этихъ цѣлей сверхъ обычныхъ средствъ, какими тогда обезпечивалось правосудіе и порядокъ, былъ устроенъ, между прочимъ, особый приказъ, получившій названіе „приказа сыскныхъ дѣлъ“, — для того, чтобы „про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивати“. Въ этомъ приказѣ сидѣли въ 1619 году бояре князья И. Б. Черкаскій и Д. И. Мезецкій и представляли собою какъ бы высшую судебную инстанцію, куда поступали судныя дѣла изъ другихъ приказовъ [1]). Направленный вообще противъ нарушителей чужого права, насильниковъ и обидчиковъ, приказъ кн. Черкаскаго не былъ направленъ спеціально противъ администраціи и нисколько не повліялъ на ея настроеніе и на перемѣны въ ея составѣ.

Такимъ образомъ, оцѣнивъ приведенныя данныя, мы получаемъ право сказать, что характеръ и общій составъ правящаго круга въ Москвѣ при патріархѣ Филаретѣ не измѣнился. У дѣлъ оставалась та самая среда, которая сформировалась во дворцѣ до прибытія изъ плѣна государева отца. Выше мы опредѣлили ея составъ: въ ней соединились дѣятели временнаго правительства 1612—1613 гг. и люди Романовскаго круга. Остатки стараго княжескаго боярства въ этой средѣ не играли видной роли; а съ рѣзкою опалою и ссылкою въ Пермь князя Ив. Вас. Голицына, который въ 1624 году за „непослушанье и измѣну“ былъ признанъ „достойнымъ всякаго наказанья и разоренья“, и съ назначеніемъ кн. Д. Т. Трубецкого въ далекій Тобольскъ (январь 1625 г.) [2])—представители старой княжеской знати и вовсе становятся незамѣтными въ московскомъ правительствѣ. Изъ нихъ намъ могутъ, правда, назвать кн. Д. М. Пожарскаго и кн. Н. И. Одоевскаго. Но врядъ ли кто станетъ утверждать, что Пожарскій пользовался вліяніемъ при дворѣ царя Михаила; а кн. Н. И. Одоевскій сталъ замѣтенъ, къ концу царствованія Михаила, не по своей „породѣ“, а потому, что вошелъ въ родство съ Ѳ. И. Шереметевымъ,

---

[1]) Кн. Разр. I, ст. 612—620. *И. Я. Гурляндъ*, „Приказъ сыскныхъ дѣлъ“ (въ „Сборникѣ статей по исторіи права, посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Буданову“. К. 1904), стр. 91, 95 и слѣд.

[2]) О ссылкѣ Голицына за отсутствіе его самого и его жены на свадьбѣ ц. Михаила см. Дворц. Разр. I, 633, 640—642, 1219—1220.—О назначеніи Трубецкого въ Сибирь — тамъ же, 658 — 659. — *А. И. Маркевичъ*, „Ист. мѣстничества“, стр. 475, 509.

женившись на его дочери, и сталъ фаворитомъ царской семьи [1]). Съ паденіемъ и смертью виднѣйшихъ представителей старыхъ княжескихъ семей, дѣйствовавшихъ въ смуту, Шуйскихъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ, также Куракиныхъ, правящій кругъ въ Москвѣ получаетъ къ серединѣ XVII вѣка еще болѣе опредѣленныя очертанія — дворцовой знати, созданной исключительно близостью къ династіи и ея милостями. Эта новая знать овладѣваетъ не только дѣловымъ вліяніемъ и преимуществами служебной карьеры, но и большимъ матеріальнымъ достаткомъ. За время Михаила Ѳедоровича представители новаго правительства успѣли стяжать себѣ крупныя состоянія и по количеству своихъ земельныхъ владѣній опередили старые княженецкіе роды. Просматривая данныя росписи помѣстій и вотчинъ 7155 года, обработанныя С. В. Рождественскимъ, удивляешься той послѣдовательности, съ какою земельное обогащеніе сопутствовало тогда служебнымъ и придворнымъ успѣхамъ счастливыхъ фамилій. Первыя мѣста по земельному богатству въ серединѣ XVII столѣтія принадлежали Н. И. Романову, Морозовымъ, кн. Черкаскимъ, Шереметевымъ, кн. Одоевскимъ, Салтыковымъ, Стрѣшневымъ, кн. Львовымъ,—словомъ, тѣмъ семьямъ, которыя прежде были или вновь стали близкими къ царю Михаилу и его роду. Въ этой средѣ первостатейныхъ собственниковъ изъ новой знати замѣтны лишь немногіе князья великой породы: А. Н. Трубецкой, Ѳ. С. Куракинъ, А. И. Голицынъ [2]). Въ общемъ же, выражаясь словами Ю. В. Готье, „XVII столѣтіе видѣло окончаніе процесса разложенія стараго княжескаго землевладѣнія“ [3]). За то начали формироваться земельныя богатства такихъ „обычныхъ людишекъ“, какими ранѣе были дьяки: въ росписи 7155 года между крупнѣйшими собственниками наравнѣ съ княжатами значатся дьяки И. Гавреневъ, М. Даниловъ, Ѳ. Елизаровъ, Н. Чистой и другіе подобные. Повидимому, названнымъ дьякамъ не только не уступали въ богатствѣ, но

---

[1]) *Ю. В. Арсеньевъ*, „Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій“ (въ *Чтеніяхъ О. Ист. и Др.*, 1903, II). Интересны слова царя Алексѣя Михайловича объ Одоевскихъ: „вирямъ узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково васъ нѣтъ“, почему царь и послалъ отъ себя на погребеніе молодого Одоевскаго „сколько Богъ изволилъ“ („Собраніе писемъ царя Ал. Мих.“ М. 1856, стр. 231). Между тѣмъ земельныя владѣнія Одоевскихъ были тогда одними изъ самыхъ крупныхъ во всемъ государствѣ.

[2]) *С. В. Рождественскій*, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка“, стр. 228—229.

[3]) *Ю. В. Готье*, „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“, стр. 414.

еще и превосходили ихъ знакомые намъ дьяки Т. Луговской, Ѳ. Лихачевъ, И. Грамотинъ и Е. Телепневъ: изъ одного розметнаго списка 7141 года видно, что въ свое время они были богатѣйшими въ своемъ чину [1]). Подъ вліяніемъ изложенныхъ наблюденій С. В. Рождественскій охарактеризовалъ изучаемую среду крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ государства какъ „безсословную“. Этотъ терминъ совершенно удобно можетъ быть перенесенъ и на правящую среду того времени, которая по составу совпадала съ средою крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ.

V.

Итакъ, если царь Михаилъ Ѳедоровичъ не былъ вынужденъ дѣлить свою власть съ какимъ-либо учрежденіемъ или сословіемъ и правилъ съ помощью свободно имъ подобранной администраціи, то ясно, что господствовавшее въ его время правительственное вліяніе исходило не изъ какой-либо организованной среды, а изъ случайнаго, житейски сплотившагося кружка. Такой кружокъ могъ образоваться въ нѣдрахъ Романовской родни и родственно опекать болѣзненнаго и неопытнаго государя; но такой кружокъ могъ сложиться и на почвѣ политической, на принципѣ партійной солидарности или въ силу общихъ партійныхъ воспоминаній и симпатій. Скорѣе же всего сплотившаяся при Михаилѣ среда связывалась въ одно и то же время и родственными и партійными связями. Мы укрѣпимся въ этой мысли, если вспомнимъ, что въ смутное время очень замѣтная часть Романовской родни держалась Тушина, а въ царствованіе Михаила въ московскомъ правительствѣ оказались многіе тушинскіе дьяки и дворяне. Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что тушинскія знакомства и связи сохранили свою силу при дворѣ Романовыхъ и что тушинскіе дѣльцы во время М. Ѳ. Романова дѣлали въ большемъ числѣ и лучшую карьеру, чѣмъ дѣловые люди прочихъ лагерей смутной поры. Конечно, мы не знаемъ интимной стороны тѣхъ отношеній, какія существовали между тушинцами, пережившими бури „смутныхъ лѣтъ и московскаго разоренья“; мы не можемъ возстановить, насколько было сознательно и неслучайно ихъ допущеніе въ администрацію царя Михаила. Но тѣ внѣшніе симптомы, которые доступны нашему наблюденію, говорятъ намъ, что новая московская власть не только не брезговала

---

[1]) Дв. Разр. II, 859—862.

услугами бывшихъ „воровъ“, но охотно двигала ихъ въ первые ряды своихъ сотрудниковъ по управленію какъ внутренними дѣлами, такъ и внѣшнею политикою государства.

Наши замѣчанія будутъ яснѣе, если мы припомнимъ кое-что изъ исторіи Тушина. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы старались показать, что съ первыхъ же минутъ появленія Тушинскаго вора подъ Москвою люди Романовскаго круга стали отпадать отъ Шуйскаго въ сторону Вора. „Шатость“ въ томъ отрядѣ, гдѣ начальствовали И. Н. Романовъ и женатые на Романовыхъ князья П.. Ѳ. Троекуровъ и И. М. Катыревъ-Ростовскій, была первымъ показателемъ неблагонадежности Романовыхъ съ точки зрѣнія Шуйскаго. Они стали „шататься“ раньше, чѣмъ Воръ пришелъ въ самое Тушино. А когда образовался Тушинскій станъ, туда въ первыхъ поѣхали изъ Москвы князья А. Ю. Сицкій и Д. М. Черкаскій, близкіе къ Романовымъ по свойству; присталъ къ Тушину и И. П. Годуновъ, женатый на Романовой; пристали и Салтыковы, родня жены Филарета. Приведенъ былъ туда, наконецъ, и самъ Ростовскій митрополитъ Филаретъ, названный тамъ патріархомъ; онъ терпѣливо сносилъ свое подневольное житье въ Тушинѣ и непринадлежавшій ему санъ вплоть до самаго бѣгства Вора изъ Тушина. Если бы младшій братъ Филарета Ив. Н. Романовъ не сидѣлъ все это время въ Москвѣ съ царемъ Васпліемъ, мы рѣшились бы сказать, что Романовы вообще всѣ склонились къ Вору, волею или неволею оставивъ Шуйскаго. Всѣ родные и приспые Филарета, переѣхавшіе въ Тушино, стали тамъ первостепенною знатью; вмѣстѣ съ прочими приверженцами самозванца изъ московской и литовско-польской знати они почитались думцами Вора и посылались отъ него для управленія городами. Въ Тушинскихъ же приказахъ, въ роли руководителей центральнаго тушинскаго управленія, сидѣли люди попроще, дьяки въ родѣ Б. Сутупова, Д. Сафонова, П. Третьякова, Ив. Чичерина, Ив. Грамотина, Ѳ. Апраксина и др. Оставаясь всегда въ Тушинѣ, ведя всѣ отрасли тушинскаго хозяйства и управленія, эти люди пріобрѣтали очень важное значеніе для Вора и его партіи: именно они становились истинпымъ тушинскимъ правительствомъ. Къ концу Тушинскихъ дней многіе изъ нихъ, повидимому, слились въ одинъ кружокъ, сохранившій свою цѣлость и послѣ побѣга Вора изъ Тушина въ Калугу. Имѣя во главѣ Филарета, продолжавшаго называться патріархомъ, и близкихъ къ нему Салтыко-

[1]) „Очерки по исторіи смуты въ Моск. государствѣ“, глава IV, § IX.

выхъ, они первые обратились къ Сигизмунду, прося его дать на Москву Владислава. Посольство, пріѣхавшее изъ Тушина къ королю въ январѣ 1610 года, заключало въ своемъ составѣ людей, которые долго потомъ дѣйствовали однимъ кружкомъ при Сигизмундѣ и, по его полномочію, въ Москвѣ [1]). Кромѣ Салтыковыхъ, здѣсь были кн. Ю. Д. Хворостининъ, Л. Аѳ. Плещеевъ, Н. Д. Вельяминовъ, Ив. Р. Безобразовъ, Ив. В. Измайловъ и дьяки Ив. Грамотинъ, С. Дмитріевъ, Ѳ. Апраксинъ, Аѳ. Царевскій. Всего же этотъ кружокъ, судя по грамотамъ тѣхъ лѣтъ, заключалъ въ себѣ до восемнадцати или двадцати человѣкъ. Когда онъ появился съ административными полномочіями отъ Сигизмунда въ Москву, въ сентябрѣ 1610 года, то его встрѣтили тамъ очень враждебно, считая М. Салтыкова и его товарищей „врагами“ и „богоотметниками“ [2]). Съ точки зрѣнія патріотовъ-москвичей, эти люди были измѣнниками, потому что отъѣхали къ Вору, а затѣмъ служили видамъ Сигизмунда. И тѣмъ не менѣе всѣ названные выше члены кружка при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ благополучно служили законному правительству: кн. Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, Безобразовъ и Измайловъ въ придворныхъ и ратныхъ службахъ, а Грамотинъ, Апраксинъ и Царевскій—въ приказахъ [3]). Добрая половина того „воровскаго“ круга, который „прежъ всѣхъ“ явился изъ Тушина на королевскія послуги подъ Смоленскъ, оказывается при Михаилѣ не только прощенной, но и припущенной къ дѣламъ. Если вспомнить, что исключительныя событія тѣхъ лѣтъ погубили многихъ изъ даннаго кружка еще ранѣе воцаренія Романо-

---

[1]) О нѣкоторомъ „кружкѣ“ можно говорить потому, что одни и тѣ же имена русскихъ тушинцевъ нѣсколько разъ появляются вмѣстѣ въ разныхъ документахъ того времени, русскихъ и польскихъ, и въ лѣтописи. См. мои „Очерки“, глава IV, § IX, и глава V, § II; также примѣчаніе 163.

[2]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 141—142.

[3]) Объ этихъ лицахъ см., напримѣръ, Акт. Зап. Росс. IV, стр. 335 (кн. Хворостининъ), 325 (Плещеевъ), 324 (Вельяминовъ), 374 (Измайловъ), 368 (Безобразовъ), 368, 372, 388 (Грамотинъ), 348 (Дмитріевъ), 328 (Апраксинъ), 348 (Царевскій); Книги Разр. I, 36 (Хворостининъ), 84 (Плещеевъ), 162 (Вельяминовъ), 13—14 (Измайловъ), 180 (Безобразовъ), 169, 408 (Дмитріевъ). О службѣ прочихъ дьяковъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ говорилось выше. Къ числу этихъ лицъ надобно отнести Грязныхъ или Грязновыхъ: отецъ Тимоѳей былъ въ Тушинѣ и у Сигизмунда и съ сыновьями Васильемъ и Борисомъ бралъ у короля земли (А. Зап. Р., IV, стр. 327—328, 337, 340, 346, и др.); что сдѣлалось съ Тимоѳеемъ, неизвѣстно; но сынъ Борисъ въ Москвѣ былъ стольникомъ, сначала патріаршимъ, потомъ царскимъ (Р. Ист. Библ. IX, стр. 473).

выхъ, то можно сказать, что изъ кружка реабилитированы были всѣ вообще уцѣлѣвшіе отъ погрома 1612—1613 годовъ. Объ остальныхъ участникахъ кружка извѣстно, что стоявшіе во главѣ кружка Салтыковы остались вѣрны Сигизмунду; одинъ изъ нихъ (сынъ) погибъ во Псковѣ, другой (отецъ) укрылся въ Польшѣ. Знаменитый Андроновъ былъ казненъ въ Москвѣ, какъ мы видѣли, до вступленія въ управленіе Михаила Ѳедоровича; С. Соловецкій и Б. Замочниковъ были замучены на пыткахъ въ Москвѣ еще раньше Андронова. Князья В. Масальскій и Ѳ. Мещерскій, М. Молчановъ, Гр. Кологривовъ и В. Юрьевъ, по словамъ лѣтописи, умерли „злою скорою смертію“. В. Яновъ и Е. Витовтовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ навсегда ушли въ Литву [1]). Остальные получили въ Москвѣ амнистію, а нѣкоторые и большое вліяніе на дѣла.

Нельзя, конечно, удивляться тому, что при воцареніи Романовыхъ вокругъ нихъ поспѣшили собраться ихъ родныя и ближнія семьи, а въ числѣ прочихъ и тѣ, которыя служили Вору. Князья Сицкіе, Троекуровы, Черкаскіе естественно приблизились въ Москвѣ къ „великимъ государямъ“, царю Михаилу и патріарху Филарету, послѣ того, какъ были близки къ послѣднему въ Тушинѣ. Удивительнѣе судьба тушинскихъ дьяковъ. Вѣроятно, исключительною талантливостью и дѣловитостью, а не иными соображеніями, слѣдуетъ объяснять возвышеніе при царѣ Михаилѣ такихъ людей, какъ Петръ Третьяковъ, помянутый Ив. Грамотинъ, Ѳ. Шушеринъ, которые были коренными тушинцами и тѣмъ не менѣе въ Москвѣ потомъ играли очень большую роль. Изъ нихъ о Шушеринѣ мы знаемъ мало. О Третьяковѣ же и Грамотинѣ извѣстно кое-что любопытное. Оба они, повидимому, выдавались своими способностями и своимъ умѣньемъ мѣнять господъ. Третьяковъ служилъ еще первому Самозванцу и при Шуйскомъ, какъ указалъ Н. П. Лихачевъ [2]), былъ разжалованъ изъ дьяковъ въ подьячіе. Отъ Шуйскаго онъ первымъ подьячимъ Посольскаго приказа перебѣжалъ въ Тушино и тамъ сталъ думнымъ дьякомъ. Вора онъ оставилъ поздно, въ 1610 году, и тѣмъ не менѣе во временномъ правительствѣ 1612—1613 годовъ умѣлъ стать первымъ дьякомъ, хотя тамъ и потерялъ титулъ „думнаго“. Вторично

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 142. Объ Андроновѣ и прочихъ пытанныхъ говорилось нами выше.

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки“, стр. 525—528, и *сто же* „Библіотека и архивъ Моск. государей“, стр. 152. Срвн. у *Карамзина*, XII, прим. 222.

онъ его получилъ 12 іюля 1613 г. отъ царя Михаила. Мы видѣли, какъ высоко Масса ставилъ Третьякова по силѣ его вліянія; большое и притомъ злое, вліяніе на ходъ дѣлъ приписываетъ Третьякову и московскій лѣтописецъ. По словамъ лѣтописи, посольскій съѣздъ подъ Смоленскомъ въ 1615 году разстроился „отъ дьяка отъ Петра Третьякова“ по той причинѣ, что московскимъ посламъ онъ изъ Москвы не посылалъ „полново указу“. Тогда же и въ Новгородѣ Третьяковъ создалъ бѣды русскимъ людямъ отъ шведовъ, такъ какъ измѣною про тайныя дѣла „писалъ съ Москвы въ Нѣмцы“ [1]). Однако эти злоупотребленія, если только они были, не повліяли на карьеру Третьякова, который и скончался „великимъ канцлеромъ“, по терминологіи Массы. Замѣнившій его Ив. Грамотинъ пріобрѣлъ еще большую извѣстность, чѣмъ Третьяковъ. Мы видѣли выше, что онъ бывалъ дважды въ Западной Европѣ въ исходѣ XVI столѣтія, какъ подьячій Посольскаго приказа. Первый Самозванецъ сдѣлалъ его думнымъ дьякомъ, а Шуйскій сослалъ его дьякомъ во Псковъ, откуда Грамотинъ и началъ свои похожденія, уйдя въ Тушино. Изъ Тушина явился онъ къ Сигизмунду, отъ Сигизмунда пріѣхалъ дьякомъ въ Посольскій приказъ въ Москву, изъ Москвы во-время выѣхалъ опять къ королю, у котораго и оставался въ первое время власти Романовыхъ. Когда именно онъ вернулся въ Москву и чѣмъ заслужилъ прощеніе и милость, сказать трудно. Еще въ 1615 году на офиціальномъ московскомъ языкѣ онъ именовался „измѣшникомъ“ и „совѣтшикомъ“ Гонсѣвскаго вмѣстѣ съ Андроновымъ и другими, подобными [2]). А въ 1618 году онъ уже вѣдаетъ Польскій приказъ въ Москвѣ. Если на самоуправство и „измѣну“ Третьякова до насъ дошли жалобы лѣтописца, то на такія же качества Грамотина жаловались сами „великіе государи“. Въ концѣ 1626 года ихъ именемъ было объявлено: „былъ въ Посольскомъ приказѣ Иванъ Грамотинъ и, будучи у государева дѣла, государя.... и отца ево государева... указу не слушалъ, дѣлалъ ихъ государскія дѣла безъ ихъ государского указу самоволствомъ, и ихъ, государей, своимъ самовольствомъ и упрямствомъ прогнѣвалъ, и за то на Ивана Грамотина положена ихъ государская опала“. Грамотинъ былъ сосланъ на Алатырь, а послѣ смерти Филарета снова вошелъ въ милость и получилъ прежнюю должность, отъ которой по старости отказался самъ въ

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, стр. 220, 222. Письма Третьякова въ Сборникѣ кн. Хилкова, стр. 72—73, и А. И. II, № 120. Пожалованіе въ думу—Дв. Разр. I, 100.

[2]) *Соловьевъ*, II, 1066, 1077, 1079.

концѣ 1635 или въ началѣ 1636 года [1]). Удивительно это постоянство царской милости къ такому „перелету“, какимъ былъ Грамотинъ: его возвращаютъ изъ ссылки тотчасъ по смерти патріарха, торопясь загладить опалу, шедшую, очевидно, отъ патріарха, милостью „для блаженныя памяти“ того же патріарха Филарета. Опираясь на государеву милость и пользуясь государевымъ довѣріемъ, такіе дѣльцы, какъ Третьяковъ и Грамотинъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе нѣсколькими вѣдомствами, соприкасавшимися обыкновенно съ Посольскимъ приказомъ, именно „четями“. Обширныя сферы правительственной дѣятельности и общественной жизни попадали поэтому въ кругъ ихъ вліянія и воздѣйствія и терпѣли отъ ихъ властныхъ рукъ, привыкшихъ къ самоуправству и насилію въ жестокіе годы смуты и „разоренья“. Память о Третьяковѣ и Грамотинѣ жила у московскихъ людей и послѣ того, какъ они ушли отъ дѣлъ: не добромъ вспоминали ихъ, напримѣръ, торговые люди въ своей челобитной 1646 года, приписывая ихъ подкупности свои торговыя бѣды [2]).

Если приведенныя нами наблюденія точны и правильны, они вскрываютъ передъ наблюдателемъ чрезвычайно любопытный и важный фактъ. Ни одна политическая партія, ни одна общественная организація изъ дѣйствовавшихъ въ смутное время, не дала такого количества вліятельныхъ представителей въ правительство царя Михаила, какое дало пресловутое Тушино. Какъ намъ кажется, три обстоятельства могутъ до нѣкоторой степени объяснить это поразительное явленіе. Во-первыхъ, вражда Романовыхъ съ Шуйскими естественно вела къ тому, что Романовы не прочь были пользоваться Тушиномъ противъ царя Василья. Пребываніе въ Тушинѣ Филарета, разумѣется не было только подневольнымъ „плѣномъ“: освободившись отъ этого плѣна, Филаретъ обратился, какъ извѣстно, къ королю, а не въ Москву. При этихъ условіяхъ связи, завязанныя Филаретомъ въ Тушинѣ, не были тюремными узами и не разорвались при паденіи самого Тушина. Филаретъ и вообще Романовы имѣли возможность узнать и оцѣнить тушинскіе таланты и давали имъ ходъ въ Москвѣ, вспоминая въ нихъ старыхъ слугъ и союзниковъ тушинскаго патріарха. Во-вторыхъ, съ торжествомъ казачества въ подмосковномъ

---

[1]) Русск. Ист. Библ. IX, стр. 438, 440—441.—Адамъ Олеарій, въ изданіи *А. С. Суворина*, С.-Пб. 1906, стр. 136—137. Умеръ Грамотинъ, по „Указателю къ боярскимъ книгамъ“, въ 7147 году.

[2]) Сосредоточеніе вѣдомствъ отмѣчено Н. П. Лихачевымъ („Разрядные дьяки“, стр. 526). Челобитье торговыхъ людей въ А. Э. IV, № 13.

ополченіи 1611 года тушинскіе бояре кн. Трубецкій и Заруцкій на время получили въ свои руки верховную власть въ странѣ и осуществляли ее съ помощью администраціи, въ которой преобладалъ тушинскій элементъ. Изъ таборовъ Трубецкаго этотъ элементъ перешелъ во временное правительство въ освобожденной Москвѣ (вспомнимъ Третьякова и Шушерина) и занялъ здѣсь первыя мѣста, потому что, по извѣстной Тушинской щедрости, обладалъ высшими чинами и званіями, чѣмъ сотрудники Пожарскаго. Въ-третьихъ, численное превосходство казачества въ Москвѣ и сильное его вліяніе въ пору избранія царя Михаила Ѳедоровича должно было поддерживать въ составѣ правительства тушинскихъ дѣятелей, близкихъ къ казачеству по воспоминаніямъ и традиціямъ „воровского“ стана. Мы видѣли въ началѣ статьи, какъ тяжело было давленіе казацкихъ вожделѣній на неокрѣпшую земскую власть: умѣвшіе ладить съ казаками чиновные тушинцы скорѣе всего могли и умѣли ослабить это давленіе.

Если были причины для того, чтобы тушинцы забрали въ свои руки значительную долю власти и вліянія въ Москвѣ и смогли при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ подчинить себѣ Москву такъ, какъ не смогли этого сдѣлать при Ворѣ, то были, повидимому, и особыя послѣдствія ихъ господства въ администраціи и судѣ. Общеизвѣстенъ фактъ, что московское общество того времени было очень недовольно московскимъ чиновничествомъ. Къ 40-мъ годамъ XVII вѣка это недовольство получило уже очень опредѣленныя формы, а къ исходу 40-хъ годовъ оно повело даже къ открытому бунту въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ. Въ 1642 году провинціальные служилые люди дали царю свой знаменитый отзывъ о московскихъ дьякахъ: „твои государевы діаки и подьячіе (писали они) пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатествомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои сстроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя: блаженныя памяти при прежнихъ государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити“. Въ противоположность этому зазорному богатству дворяне о себѣ заявляли, что они разорены „пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“ [1]). Выше было указано, что по

[1]) Собр. Г. Гр. и Д. III, стр. 390, 394.

боярскимъ книгамъ того времени дьяки значились среди богатѣйшей земельной знати: обличеніе дворянъ, стало быть, не грѣшило противъ истины. А что сами дворяне чувствовали себя близко къ разоренію, это можно заключить изъ многихъ документовъ. По одному частному письму 1641 года видно, что уже въ то время,—значитъ, задолго до мятежей 1648 года,—„земля стала“ и шла „мірская молва“ про бояръ, что „боярамъ отъ земли быть побитымъ“ [1]). Чувства, стало быть, напряглись на столько, что можно было чуять въ воздухѣ грозу. О злоупотребленіяхъ администраціи того времени писалось много, и здѣсь нѣтъ нужды повторять извѣстное; но любопытно будетъ отмѣтить, что, помимо и сверхъ отдѣльныхъ злоупотребленій и неправды, самые обычные пріемы тогдашней администраціи отличались грубостью и распущенностью. Въ разсчетѣ на безнаказанность, думные дьяки,—напримѣръ, при объявленіи рѣшеній по мѣстническимъ челобитьямъ—дрались и толкались, бранились и сочиняли самовольныя резолюціи, словомъ—„воровали“ безо всякаго стѣсненія [2]). Безъ стѣсненія вели себя приказныя власти въ своихъ приказахъ. Въ частныхъ дѣловыхъ отпискахъ тѣхъ лѣтъ находятся любопытныя свѣдѣнія о томъ, почему въ Москвѣ въ приказахъ „дѣла мало вершатся“: „околничей мало ѣздитъ въ приказъ“, „волокиты много, издержки великія подьячимъ и людямъ дьячьимъ и сторожемъ“. Было совершеннымъ исключеніемъ, что дьякъ П. Чирковъ въ первую пору знакомства съ просителями денегъ въ даръ „съ пріѣзду“ не взялъ, а говорилъ: „посмотрю де по дѣлѣ, а то де не уйдетъ“. За то впослѣдствіи тотъ же Чирковъ получилъ 30 рублей, „и ему кажется мало“. Неудивительно казалось, что боярин кн. А. М. Львовъ при просителѣ „въ приказѣ не бывалъ не единожды“, если даже его ничтожный подъячій „мало и въ приказъ ходитъ, а потому дѣлу указу нѣтъ“. Для того, чтобы улучить милость боярина, надобны были особыя ухищренія; не просто, напримѣръ, требовалось прислать ему рыбы, а именно такой, какую князь Львовъ любитъ: прислали „тридцать снжковъ Свирскихъ, а не Кубенскіе снжки, и тѣхъ снжковъ боярин не кушаетъ“. Но и Кубенскіе снжки не всегда помогали. „Божія поспѣшенія во всемъ намъ нѣтъ“, писалъ одному монастырю его слуга: „боярин гораздо гнѣвенъ, споны не стало многимъ монастыремъ, не намъ однѣмъ токмо;... нашу братью деретъ нещадно: самъ указъ учинитъ, да и переговору нѣтъ снова; за кого заступы большіе, тѣмъ и дѣла

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1894, II, Смѣсь, стр. 18—20.

[2]) *А. И. Маркевичъ*, „Исторія мѣстничества“, стр. 510.

чинятца". А за кого не было заступъ, съ тѣмъ бояринъ не церемонился: приказывалъ „съ суда" изъ приказа „выбить взашей" и челобитныя дралъ вмѣсто правильнаго по нимъ производства [1]). Таковъ былъ кн. А. М. Львовъ въ Большомъ дворцѣ; о немъ не сохранилось въ московскомъ обществѣ никакихъ особенно дурныхъ воспоминаній, потому что были люди гораздо похуже,—именно тѣ, которые погибли отъ самосуда московской толпы въ 1648 году. Тѣ же корреспонденты, отъ которыхъ нами взяты строки о кн. Львовѣ, сообщаютъ намъ любопытное свѣдѣніе, что уже въ 1646 году въ Москвѣ ходилъ особый терминъ, которымъ обозначались административные пріемы „земскаго судьи" Л. С. Плещеева и его присныхъ. Одинъ изъ дѣловыхъ ходоковъ стращалъ своихъ непріятелей: „дерну де язъ всѣхъ васъ всѣхъ во дворецъ, не хуже де буду Плещіевщины, выучю де васъ всѣхъ (кричалъ онъ), отбѣлю всѣхъ на лицо, узнаете меня, каковъ вамъ буду" [2]). „Плещеевщина" была такимъ же словечкомъ, какимъ вѣкъ спустя стала „бироновщина". Она означала опредѣленную манеру административнаго хищника, которая современниками опредѣлялась очень точно, именно какъ „во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по его Левонтьеву (т. е. Плещеева) наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры". Олеарій поясняетъ намъ, какъ дѣлались эти „оговоры": Плещеевъ „нанималъ негодяевъ для того, чтобы они ложно доносили на честныхъ людей",—и выжималъ изъ оговоренныхъ послѣдніе соки [3]).

Вотъ до какой степени разврата доходила московская администрація, сложившаяся во время царя Михаила Ѳеодоровича. Памятуя, что во главѣ ея послѣ смутъ стояли чаще всего печальной памяти тушинскіе дьяки, мы поймемъ, откуда идутъ въ этой администраціи дурные навыки и откуда рождается ненависть къ ней управляемаго общества. Вопреки пословицѣ, „дурная трава" не была тогда выброшена „изъ поля вонъ", а выросла на полѣ и заглушила добрые ростки земскаго управленія съ помощью выборныхъ людей „добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ"....

---

[1]) „Шестой выпускъ описанія собранія свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ". Вологда. 1903, стр. 31. 30, 36, 34. 41, 82, 120, 64 и 94.

[2]) Тамъ же, стр. 108.

[3]) Мои „Статьи по русской исторіи", стр. 86. Олеарій, въ изданіи *г. Сухорина*, стр. 264.

Подведемъ итоги сказанному нами:

1) Избраніе въ цари М. Ѳ. Романова было результатомъ соглашенія временнаго земскаго правительства и казачьей массы, оставшейся въ Москвѣ послѣ ея освобожденія отъ поляковъ.

2) Нѣтъ никакихъ основаній вѣрить преданіямъ о формальномъ ограниченіи власти М. Ѳ. Романова московскимъ боярствомъ или земскимъ соборомъ, при самомъ избраніи его въ цари.

3) Личная власть новаго государя въ первое время его дѣятельности не была ничѣмъ стѣснена ни въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ, ни въ подборѣ правительственныхъ лицъ.

4) Правительственная среда при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ первое время его власти составилась изъ членовъ временнаго правительства 1612—1613 гг., личной родни царя и довѣренныхъ его лицъ. При такомъ пестромъ составѣ правительства изъ него не могло выйти формальныхъ ограниченій власти государя.

5) Въ дѣятельности земскихъ соборовъ времени Михаила Ѳедоровича не было вовсе условій, ограничивавшихъ власть государя или дѣятельность его приближенныхъ лицъ.

6) Съ пріѣздомъ патріарха Филарета ничего не измѣнилось въ составѣ и характерѣ московскаго правительственнаго круга. При Филаретѣ окончательно сложилась новая придворная и чиновная знать изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, какіе были на лицо въ 1613 году.

7) Въ этой знати наиболѣе замѣтенъ по численности и вліянію кругъ тушинскихъ знакомцевъ и родственниковъ Филарета, которые въ большомъ числѣ различными путями проникли въ московскую администрацію XVII вѣка.

8) Вліяніе тушинцевъ на общій характеръ правительственной дѣятельности того времени было безусловно вредно и подготовило въ московскомъ обществѣ недовольство и протестъ.

БИБЛІОТЕКА
Императорскаго Русскаго
Археологическаго Общества СССР

Государ. Публичная
Историческая
Библіотека РСФСР
№ 1965